

АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

**К 145-летию окончания
Кавказской войны**

Исторические чтения
20 мая 2009 г.

Майкоп
2010

УДК 94(470.6)
ББК 63.3.(235.7)

Печатается по решению Редакционно-издательской
комиссии Адыгейского государственного университета

Издание осуществлено при поддержке
Министерства образования и науки РФ
(фундаментальное исследование 1.1.03)

Кавказская война в пространстве исторической памяти. К 145-летию окончания Кавказской войны. Исторические чтения / Ред. Э.А. Шеуджен. Отв. за вып. Н.А. Почешхов — Майкоп: Изд-во. АГУ, 2010. — 64 с.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

**К 145-летию окончания
Кавказской войны**

Исторические чтения
20 мая 2009 г.

Р.Д. Хунагов,
*доктор социологических наук,
профессор, ректор АГУ*

С большим удовольствием я воспринял приглашение Ученого Совета исторического факультета принять участие в обсуждении такой сложной и многоплановой проблемы, как Кавказская война. Инициатива проведения на факультете «исторических чтений» по наиболее сложным проблемам истории, несомненно, заслуживает большого внимания.

Как известно, наиболее характерной чертой развития современной историографии в теоретико-методологическом аспекте является утверждение позиций *сциентической, научной, социологизирующейся истории*. При характеристике «научной истории» важно подчеркнуть, что она является движением за аналитическую междисциплинарную историю, обогащенную теоретическими моделями и исследовательскими методами социальных наук.

«Новая история» придает большое значение детерминистским моделям исторического объяснения, ставящих на первое место географические, ментальные и демографические факторы. С этой точки зрения обсуждающаяся сегодня проблема заслуживает особого внимания. Действительно, массовое сопротивление горцев десятилетиями поддерживалось не только военно-стратегической энергией, но и закрепившимися в

коллективной памяти традиционными морально-этическими представлениями, верой в спасительную силу Кавказских гор.

Особое значение в ходе войны приобрели стереотипы, закрепившиеся в ментальности адыгов. В рапортах и донесениях русского командования предлагались варианты мер по подрыву «национальных традиций», таких, как героизация прошлого, гостеприимство, кровная месть и др. Желая привести войну к некому подобию «европейских» войн, генералы предпринимали, как неоднократно признавали, безрезультатные походы, стремясь решить не столько стратегические задачи, сколько подорвать закрепившееся в исторической памяти народов убеждение в неприступности, спасительной силе гор.

Вне всякого сомнения, имели место глубинные психологические, ментальные «сдвиги» в общественном сознании не только побежденных, но и победителей. Особое значение приобрела проблема массовой депортации, насильственного переселения. В ходе Кавказской войны многие народы этого региона вынуждены были переселиться в пределы Османской империи. Особенно трагичным процесс депортации, называемый в официальных документах «удалением» или «переселением», стал для адыгов.

По мнению одного из первых исследователей этой проблемы академика Российской академии наук А.П. Берже, председателя Кавказской археографической комиссии, массовое переселение стало настоящей катастрофой, которая с течением времени неизбежно должна была привести к утрате «исторических и характеристических особенностей» народов.

Сохранившиеся свидетельства открывают новые нереализованные возможности в осмыслении данной проблемы: массовое переселение как «ломка» этнической идентификации; возможности адаптации народов в чуждом исторически и климатически ландшафтном регионе. Проведенные в последние годы этнографами нашего университета экспедиции в места компактного расселения адыгских диаспорных групп позволяют ответить на сложный вопрос: каков объем и характер свидетельств по истории потерянной родины сохранился в исторической памяти народа, оказавшегося в изгнании? При анализе этих проблем важно объединить усилия историков, этнографов, социологов, лингвистов, фольклористов.

Комплексные знания о судьбе соотечественников способны расширить границы коллективной памяти, стать импульсом для развития исторического сознания. Думаю, что эти проблемы заслуживают особого исследовательского внимания. Прав был М. Хальбвакс, писавший, что «нахлынувшее море — это волна живой памяти, ее волны катятся вперед и несут из прошлого в будущее беспокойное настоящее». Создается впечатление, что это описание, возникшее в процессе теоретических размышлений, — «слепок» ситуации, сложившейся в годы Кавказской войны. Надеюсь, что сегодняшнее обсуждение сложных проблем отечественной истории станет еще одним импульсом развития историографии.

Н.А. Почешхов,

*доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета АГУ*

Уважаемые коллеги! В мае этого года исполняется 145 лет со дня окончания Кавказской войны. Этому событию мы решили посвятить расширенное заседание Ученого совета исторического факультета. В рамках исследовательского проекта «Историческая память народов Северного Кавказа» доктором исторических наук, профессором Э.А. Шеуджен опубликована работа «Кавказская война в пространстве исторической памяти». Думаю, что она может стать импульсом для обсуждения этой сложной, многоплановой проблемы.

К сожалению, войны, начиная с древнейших времен, являются характерным явлением истории. Войны, как никакая другая проблема, «вписаны» во временные и пространственные границы истории: путем жестоких, продолжительных войн решались проблемы территорий, ресурсов, политической престижности, экономической и духовной экспансии. Тем не менее Кавказская война выделяется в этом ряду, ей принадлежит особое место. Ее нельзя отождествлять с «классическими» колониальными войнами Нового времени, как правило, предполагавшими сугубо силовую экспансию метрополии по отношению к «заморской» территории.

Одну из главных трудностей в изучении Кавказской войны представляет проблема ее типологической идентификации, проистекающая опять-таки из феноменальной, неоднозначной природы процессов, развивавшихся на Северном Кавказе с начала XIX века до середины 1860-х годов (Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2001. С. 234). Историки систематически обращаются к истории Кавказской войны. Сформировалась целая плеяда исследователей, работающих в этом направлении. В историографии существует множество оценок и различных подходов к этому событию.

В настоящее время, остро осознается, что есть настоятельная потребность исследования не только исторических, но историографических и источниковедческих проблем этого сложного феномена. Существуют вопросы, не потерявшие своей актуальности и по сей день: периодизация войны; терминология; характер источниковой базы; последствия войны, влияние политизации на постановку и разрешение проблем.

Более того, в современной историографической ситуации появилась возможность расширить границы традиционных исследований событий войны в плане ее анализа с позиций современных теоретико-методологических подходов. В этом плане *заслуживает внимания стремление рассмотреть события войны через призму исторической памяти и исторического сознания.*

В памяти каждого народа есть события, как бы «вневременные», память о которых сохраняется в веках и передается от поколения к поколению. Именно к таким болевым «местам памяти» с полным основанием может быть отнесена история Кавказской войны. Вне всякого сомнения, осмысление связи между памятью и историей при рассмотрении событий Кавказской войны способно позитивно повлиять на состояние массового исторического сознания. Такой подход позволяет выяснить, каким образом конкретные события фиксируются, закрепляются и даже фальсифицируются в трудах по истории, непосредственно влияя на уровень массового исторического сознания. Думаю, что многие аспекты этой сложной проблемы сегодня будут затронуты.

Э.А. Шеуджен,
доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории АГУ

В представленной вашему вниманию брошюре «Кавказская война в пространстве исторической памяти. К 145-летию окончания Кавказской войны» предпринята попытка осмысления связи между памятью и историей при рассмотрении наиболее «острых» проблем северокавказской истории, к которым, бесспорно, относятся события Кавказской войны. Опубликованная работа, представляет главу монографии «Адыги (чересы) в пространстве исторической памяти», которая, как я надеюсь, в ближайшее время выйдет в свет.

В своем выступлении мне бы хотелось выделить несколько моментов, имеющих принципиальное значение. Сразу же имеет смысл отметить, что в наши дни среди многочисленных проблем, волнующих народы, особую значимость приобретает состояние общественного сознания, в структуре которого особое место занимает историческая память. Являясь основой, определяющей уровень коллективного и индивидуального сознания, именно память обуславливает отношение людей к исторической действительности, как на теоретическом уровне, так и уровне обыденного сознания.

В годы Кавказской войны России пришлось столкнуться на Северном Кавказе с неизвестным миром, с народами, имеющими другие традиции и обычаи. Десятилетиями массовое сопротивление горцев поддерживалось не только военно-стратегической энергией, но и обстоятельствами, лежащими в сфере традиционных представлений, определявших структуру коллективного сознания. Во-первых, героизацией исторического прошлого, признанием свободы высшей ценностью, закрепившимися в коллективной памяти представлениями о мужском долге, презрении к смерти и уверенности, что каждого погибшего в бою ждет достойная тризна, а его воинский подвиг останется в памяти потомков. Во-вторых, закрепившейся в существующих представлениях, как одним из основных ориентиров ландшафта памяти, верой в спасительную силу Кавказских гор.

В серьезную проблему, осложнявшую проведение карательных операций, превращались сохранившиеся маркеры исторической памяти. Так, благодаря обычаю гостеприимства создавались «островки безопасности», и никакие угрозы не могли заставить горцев выдать укрываемых. Играл свою трагическую роль и обычай кровной мести. Неукоснительное следование этому обычаю придавало все большую массовость и ожесточенность сопротивлению. В рапортах и донесениях вновь и вновь предлагались варианты мер по подрыву «национальных традиций».

Многие годы на страницах российских периодических изданий заинтересованно обсуждался вопрос об «обустройстве», «нравственном освоении» Кавказского края. Анализируя сложившуюся ситуацию, авторы статей приходили к убеждению, что военные меры не позволили окончательно решить проблему «успокоения» народов. Несмотря на наличие в данных публикациях диаметрально противоположных оценок кавказских горцев, в целом преобладало признание «особости» их понятий, нравов и обычаев.

Очевидно, что такой внешний для Северного Кавказа фактор, как военная экспансия России в XIX веке, привел к глубинным изменениям, проявившимся в общественной организации горцев, демографической структуре, ментальных «подвижках». В составе России оказалась новая обширная территория, с интересными природно-географическими характеристиками, с серьезным экономическим потенциалом. К тому же она имела свое выраженное, но мало известное и поэтому непонятное «лицо»: этническая пестрота, конфессиональное многообразие, культурное своеобразие жизни и быта.

В современной северокавказской историографии, несмотря на утверждающиеся принципы «новой» исторической науки, еще не сложился исследовательский интерес «к людям в истории». Буквально по пальцам можно перечислить адыгов — героев Кавказской войны. В то время как многие из них в свое время были хорошо известны, о них уже в годы войны сложились изустно передаваемые предания, а их подвиги становились примером для подражания.

Более того, обращение к проблеме «человек в войне» приобретает все более выраженный идеологизированный харак-

тер. Важно учитывать, что в исторической памяти нередко закрепляются диаметрально противоположные оценки одних и тех же исторических деятелей представителями разных народов. Недостаточный учет этих обстоятельств способен серьезно осложнить исторически сложившиеся взаимоотношения между народами.

На состояние исторической памяти оказали влияние и последствия войны. В историографии сложилось интересное несоответствие: причины войн исследуются более обстоятельно, чем их результаты, и особенно последствия. При таком положении последствия войн сводятся, как правило, к материальным потерям и подсчету павших на полях сражений. Само по себе это весьма важно. Однако такой подход не дает представления о более отдаленных, но не менее значимых последствиях военных конфликтов. В частности, о глубинных психологических, ментальных «сдвигах» в общественном сознании не только побежденных, но и победителей, а именно они, как уже отмечалось, в наибольшей степени определяют состояние исторической памяти народов.

Для народов Северного Кавказа последствия оказались столь же трагичными, как и сама война: массовая депортация, насильственное переселение, вхождение в новое политическое, экономическое и социально-культурное пространство России. Удивительным образом в памяти народов закреплялась выраженная героизация событий войны и фобия побежденного, «умиротворенного» народа.

Понадобились десятилетия, смена нескольких поколений для преодоления пораженческих настроений, но отголоски войны, как раскаты уходящей грозы, еще сохраняются в исторической памяти. И с этими обстоятельствами необходимо считаться. Тем более что они, к сожалению, «подпитываются» современными антикавказскими настроениями.

Понять структуру исторической памяти невозможно без обращения к характерным особенностям дошедших до нас источников. Объем и границы исторической памяти непосредственно зависят от сохранившихся свидетельств. При этом важно учитывать, что историку досталось в наследство от прошлого. Эта проблема сохраняет особое значение при изучении Кавказской войны.

Особую остроту приобретает проблема отношения общества к «унаследованному» прошлому, к документам, фиксирующим исторические события. Известно, что реконструкция событий Кавказской войны уже почти два века ведется преимущественно на основе официальных российских источников. В последние годы произошли существенные «сдвиги» в осознании значимости для общества публикаций исторических источников.

В историографической традиции именно с этими явлениями связывается рост национального самосознания, стремление все большего числа людей обратиться именно к первоисточнику. Целенаправленно переиздаются работы, ставшие библиографической редкостью. Серьезным документальным основанием для исследования проблем Кавказской войны стало издание тематических сборников архивных документов и воспоминаний участников Кавказской войны.

Понятно, что оценки Кавказской войны как центрального события северокавказской истории в воспоминаниях коррелируют с эмоционально-ценностными характеристиками. Более того, при обращении к воспоминаниям необходимо учитывать, как ненадежна память в качестве проводника к реальностям прошлого. В этом смысле задача историка состоит в том, чтобы исправить «отклонения памяти», сопоставив сомнительные утверждения авторов воспоминаний с другими историческими свидетельствами.

Бесспорно, интерпретация и анализ источников по данной проблеме требует от историков не только высокого уровня профессионализма, но и последовательного твердого стремления к объективности, что далеко не всегда в наше время кипящих страстей «имеет место быть». Источники по истории Кавказской войны, как «храмы на крови», не просто говорят, а чаще горестно плачут. При таком положении очень трудно «без гнева и пристрастия» относиться к историческому прошлому.

Структура исторической памяти самым непосредственным образом связана с состоянием исторического знания. В советской историографии Кавказская война оказалась в ряду наиболее идеологизированных проблем. В трактовке её причин и сущности историкам приходилось балансировать между обвинениями в «буржуазном национализме» и «великодержавном шовинизме». Авторы первых работ стремились зафиксировать

основные событийные линии. От оценок войны как «антифеодалной» историки переходили к признанию её «освободительного», «справедливого» характера, а затем — к почти полному забвению и сосредоточению внимания на менее острых вопросах кавказской истории. Тем не менее историкам удалось ввести в научный оборот значительный корпус источников, воссоздать канву военно-политических событий.

В последние десятилетия тема как бы открывается заново: появляются специальные исследования по истории Кавказской войны. Анализируя многие явления и события северокавказской истории, историки стремятся их оценить с современных позиций, зачастую забывая об их «вписанности» в конкретное историческое время. При таком подходе возникает реальная опасность культивирования давно отживших моделей общественного развития.

В историографии, как минимум, проявляются две крайние позиции. Часть исследователей считает, что для народов Северного Кавказа был возможен самостоятельный путь развития: образование государственности у отдельных этнических групп, отмечая, что для этого были потенциальные предпосылки. Позиции других исследователей диаметрально противоположны. При всей трагичности Кавказской войны, утверждают они, именно она, вернее ее последствия, вывели народы Северного Кавказа из устойчивой, углубляющейся стагнации. При таком подходе оценка событий идет с учетом исторической перспективы, то есть не по ближайшим, а по отдаленным результатам.

В целом, разделяя подобные оптимистические взгляды, трудно согласиться с утверждением, что в процессе колонизации Россия «всесторонне кредитовала неконкурентоспособные периферийные этнические группы, предоставляя им шанс войти в историю». Во-первых, нельзя не учитывать, что народы Северного Кавказа «вошли» в историю с античных времен, во-вторых, не просили их «кредитовать» и, в-третьих, за подобные «кредиты» вынуждены были заплатить весьма высокие «проценты». Конечно, это историческое прошлое, но и оно заслуживает большего внимания и уважения.

Углубление в историю Кавказской войны все более расширяет исследовательское пространство этого многофактор-

ного явления, внося принципиально значимые коррективы в сложившуюся концепцию. В частности, «пошатнулись» представления о единстве горских народов как на уровне межэтническом, так и внутриэтническом. Выяснилось, что история Кавказской войны не едина, а распадается на память разных этнических групп. Принципиальное расхождение позиций проявилось в оценке роли отдельных народов в войне: народы Северо-Восточного — Северо-Западного Кавказа.

В зависимости от складывающейся политической конъюнктуры нередко искусственно преувеличивается или приуменьшается значение этнического фактора в военном противостоянии. Конечно, война, несмотря на стремление к консолидации, «раскалывала» народы, в том числе и по формальным принципам: «демократические — аристократические», «мирные — немирные».

Нельзя не учитывать и социальный аспект проблемы. Среди мер, способствующих «вхождению» Северного Кавказа в Российскую империю, особую роль сыграл процесс инкорпорации родовой знати присоединенных территорий в состав российского дворянства. Эта часть северокавказского населения, несомненно, пользовалась покровительственным вниманием со стороны властей и в целом достаточно успешно вписывалась в систему российской имперской государственности.

Несмотря на продолжительность и ожесточенность Кавказской войны, земледельческая знать в основном сохранила собственность на землю и скот, служила на военной и гражданской службе, получала чины, ордена и звания. Важной стороной жизни кавказской знати стала ее служба в российской армии. В связи с этим важно понять, как их взгляды отразились на целостности исторической памяти.

В последнее время в практику стали входить социологические исследования, позволяющие наглядно представить, какие события прошлого сохраняются в исторической памяти народов. Так, при исследовании общественного мнения населения Северного Кавказа, проведенном отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, было замечено, что наиболее глубокий след в памяти народов оставила Кавказская война. Как выяснилось, память концентрирует не только открытую, доступную для всех

информацию, но и источники «устной истории» — такие, как семейные предания, легенды, народные песни.

Конечно, высокий процент «знающих» о событиях войны еще не позволяет с полным основанием судить о характере и объеме закрепившихся в сознании представлений, их историчности. Именно эти вопросы заслуживают особого внимания, учитывая, что историческая память, как и результаты сомнительных исторических изысканий, используются в текущей идеологической полемике, ангажируются различными политическими силами.

Вне всякого сомнения, мы являемся свидетелями этнической революции в историографии. Как правило, побудительным мотивом для развития историографии становится «всплеск» национального самосознания. Однако такой, казалось бы, позитивный импульс дает далеко не всегда адекватные результаты. Сегодня, когда многое в истории пересматривается во имя «объективности», приходит понимание того, как непросто бывает историкам абстрагироваться от идеологии, затрагивающей насущные национальные интересы, сохранить объективность.

При этом нельзя не учитывать, что существующие в обществе представления об историческом прошлом, понимание его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и возможного влияния на будущее превращаются в ценностные ориентиры, во многом определяющие поступки и действия людей, оказывая выраженное воздействие на характер и методы решения современных общественных проблем.

Действительно, как уже подчеркивалось, в последние годы окончательно завершился процесс институционализации гуманитарных наук. Существенным явлением стало осознание историками того, что проблемы исторической памяти выходят за пределы собственно истории, философии, социологии, психологии, приобретая выраженный комплексный характер.

Все более утверждается понимание того, что не только военные конфликты, но и безответственная «культурная» политика наносят невосполнимый урон историческому наследию, приводя к стиранию «знаков памяти», закрепляющих в самосознании и ментальности народа коллективные исторические представления. Думаю, весьма своевременно на разных уров-

нях ставится вопрос о назревшей потребности в возобновлении научного диалога, учитывая, что разноплановые исследования последних десятилетий расширили проблемное поле, вскрыли новые грани истории Кавказской войны.

В этом смысле наша встреча весьма полезна. Действительно, в рамках различных исследовательских парадигм накоплены новые свидетельства, позволяющие придать большую основательность реконструкции сложных, нередко противоречивых событий. Более того, немало интересных, перспективных идей и подходов, впрочем как заблуждений и неточностей, вошедших в исследования, не получили дальнейшего осмысления и аргументированной критики. Преодоление подобных явлений не только актуальная научная задача, но и реальная возможность избежать идеологизированности массового исторического сознания.

И еще одно. Предлагая вашему вниманию свою работу, хотелось бы выразить надежду на то, что она будет полезна не только интересующимся вопросами Кавказской войны, но и тем, кто пытается осмыслить проблемы исторической памяти. При этом в полной мере осознается, что научный потенциал данной проблемы гораздо шире, учитывая, что существует огромное разнообразие в интерпретации, как истории Кавказской войны, так и проблем исторической памяти.

А.Ю. Шадже,
доктор философских наук,
профессор кафедры философии и социологии АГУ

Теоретическая ситуация, сложившаяся в социально-гуманитарных науках, показывает противопоставление традиционной культуры и культуры модерна. Это способствовало актуализации интереса к исследованию памяти, способам существования и формам трансляции, содержание которой заметно изменилось.

Представляется, что рассмотрение памяти должно базироваться, по крайней мере, на двух методологических положениях. *Во-первых*, необходима интеграция наук, занимающихся проблемами памяти, поскольку она носит междисциплинар-

ный и полипарадигмальный характер. *Во-вторых*, важно применение новых методов современной, постнеклассической парадигмы для понимания смысла памяти.

Следует отметить, что социальные проекты, начиная с конца XX века, изменили свои исследовательские подходы к социальному познанию. В рамках новой методологии — конструктивистской, учитывающей взаимосвязи между макро-, мезо- и микротеориями, между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом, — представляется возможным поставить в центр исследовательского внимания сознание и поведение человека, его место и отношение к другим не просто как отдельного индивида, но и члена определенной социальной и этнической группы, представителя определенного общества, определенной социокультурной среды. Более того, данная методологическая стратегия направлена на реализацию программы поиска актуальной идентичности «кто я» или «кто мы» в определенном обществе и в современном социальном мире.

В этом контексте память можно рассматривать как некоторое отношение к другому, которое обладает специфическими формами существования и определенными способами постижения своего содержания.

Начиная с древних греков, проблемой памяти интересовались многие мыслители прошлого. Обращение к проблеме памяти наблюдается в текстах древнегреческих философов и средневековых мыслителей, которые рассматривали память как внутреннее, сущностное свойство человека, способное отразить, сохранить и передать последующим поколениям многообразию окружающего мира

Американский историк А. Мегилл отмечает, что «в современном прочтении речь идет о новом виде памяти. В новом мышлении память рассматривается как объект, имеющий самостоятельную ценность, а не только как способ получения или хранения большего, чем прежде, объема знания о прошлом» (Мегилл А. *Историческая эпистемология*. М., 2007. С. 94).

Заметим, что в русской философии конца XIX — начала XX века наблюдается обращение к рассмотрению памяти в контексте изучения проблем человека. Например, творческий характер памяти человека у Н.А. Бердяева, связь памяти человека с Богом у П.А. Флоренского и т. д.

Цель данного выступления — обратить внимание на ценностное понимание памяти, а точнее, исторической памяти как ценности, «как объекта почитания» у адыгов. В связи с этим мы обращаемся к содержанию понятия «память».

В чем же смысл памяти?

Основной смысл памяти связывают с «опытом». «В этом эмпирическом смысле «историческая память» обозначает опыт людей, которые на самом деле участвовали в обсуждаемых исторических событиях. Иными словами историческая память обозначает восстановление и преобразование этого опыта в нарратив.

Рассматривая содержание памяти, ее часто подменяют воспоминанием. Ученый Австрийской академии наук Й. Файхтингер отмечает, что в большинстве западных языков существует различие между объективной историей и историей, записанной очевидцем, равно как и между памятью и воспоминанием. Понятия «память» и «воспоминание» часто употребляются как синонимы, однако понятие памяти следует воспринимать как собирательное понятие для свойственного определенной культуре, нации, эпохе набора образов, текстов и ритуалов, благодаря культивированию которых стабилизируется ее (культуры) автопортрет, с тем чтобы отмежеваться от другой культуры. Под воспоминанием понимаются индивидуальные или коллективные акты доступа к прошлому (Файхтингер Й. По ту сторону методичного национализма. Перспективы культуры, исторической памяти и идентичности в Европе // Вопросы философии. 2007. №9. С. 37).

Однако нас интересует воспоминание прошлого не только в сознании этноса. Поэтому обратимся к «коллективной памяти». А. Мегилл совершенно справедливо отмечает, что «коллективная память возникает в том случае, когда множество людей участвует в одних и тех же исторических событиях. Тогда можно говорить о том, что эти люди имеют коллективную память о данных событиях, но не в смысле некой надиндивидуальной памяти — поскольку нет «памяти» вне индивидов, — но в том смысле, что каждый человек имеет (в границах своего собственного сознания) образ, опыт или гештальт, который пе-

режили также и другие люди. Кроме того, эти образы или гештальты в большой степени совпадают, иначе память не была бы «коллективной». (Мегилл А. Указ. соч. С. 113).

В научной литературе встречается еще понятие «социальная память». Она не является тождественной понятию «коллективная память». Социальная память — основа исторической памяти, т.е. ее социокультурное пространство, которое помогает определить смысл исторической памяти.

Французский ученый М. Хальбвакс утверждает, что социальная память воспринимает из «прошлого лишь то, что является жизненно важным, что поддерживается и продолжает жить в сознании той или иной группы». (Halbwacs M. Das kollektive Gedachtnis / Mit einem Geleitwort von Prof. Dr. H. Maus Marburg, 1967. S. 68). Он показал, что память — это социальный, а не только индивидуальный феномен; она детерминирована существующими в обществе категориями понимания.

В целях анализа памяти как ценности также важно остановиться на социальном смысле памяти и социокультурном ценностном содержании. Сначала рассмотрим соотношение понятий «память», «традиция» и «ностальгия». Это важно, поскольку в определенных ситуациях они нередко отождествляются.

Определим традицию как передающиеся из поколения в поколение элементы социального опыта и культурного наследия («культурный текст») — нормы и образцы поведения, формы социальной организации, идеи, нравы, обычаи, обряды и ритуалы и т.д. Здесь однозначно можно сказать, что память и традиция не тождественны, они не могут подменять друг друга, но могут сосуществовать. В рамках определенной культуры и культурной традиции может быть рассмотрен и выявлен смысл памяти.

Память и ностальгия тоже не являются тождественными понятиями. Ностальгия (от греч. nostos — возвращение и algos — боль) — тоска по родине. В научной литературе встречается более широкое толкование этого понятия — как «тоска по прошлому». Однако память не следует сводить только к прошлому или подменять прошлым. В памяти фиксируется значимое, т.е. смысл этого значимого. Обратившись к периоду «Великого черкесского изгнания» (1859 — 1866 гг.), прошлое — насиль-

ственное изгнание адыгов — весьма значимо. Именно это и фиксируется в исторической памяти адыга и адыгского этноса.

Поскольку нами рассматривается память как «ценностно-смысловая реконструкция прошлого» в традиционном социуме, представляются интересными несколько опубликованных работ Э.А. Шеуджен, посвященных анализу исторической памяти (Шеуджен Э.А. Историографический процесс: влияние на историческую память и коллективное сознание народов Северного Кавказа // «Адыги (черкесы) в историческом времени и пространстве». Материалы круглого стола (г. Майкоп, 9 апреля 2008 г.). — Майкоп: изд-во МГТУ, 2008. — С. 3-18).

Исследуя историческую память, она выделяет следующие важные характеристики. *Во-первых*, фиксированность исторической памяти. «Если каждый, отдельный человек может при желании «стереть» из памяти неприятные воспоминания, травмирующие его психику, то народам это не дано: как тяжелая наследственная болезнь, трагические события прошлого передаются из поколения в поколение, серьезно осложняя отношения в обществе».

Во-вторых, историческая память объемна. «Более чем за пять тысячелетий письменной истории накопилось огромное количество разнообразных исторических источников, запечатлевших выстраданный опыт народов». Народы Северного Кавказа вносят свой вклад в этот «мировой архив». *В-третьих*, историческая память имеет сложную структуру. Для исторической памяти характерна протяженность во времени. Более того, нередко события отдаленного прошлого воспринимаются народами более болезненно и значимо, по сравнению с сегодняшними событиями и бедами (Шеуджен Э.А. Историческая память и проблемы Кавказской войны // Шеуджен Э.А. Путь в историю: В поисках методологии исследования. Майкоп, 2007. С. 209-213).

По словам автора, в памяти каждого народа есть события вневременные, память о которых сохраняется в веках и передается от одного поколения к другому. К таким событиям относится Кавказская война, оставшаяся в памяти народов Северного Кавказа как одно из наиболее сложных, переломных событий региональной истории. При этом Э.А. Шеуджен отмечает, если память о выселении народов и даже война в Чечне

входят составной частью в историю отдельных этносов, то проблема сопротивления, боевого духа горцев характерна для коллективной памяти всех северокавказских народов.

Историческая память ценна тем, что она соединяет человека с прошлым, формирует представление родины и чувство самосознания. Пренебрежение к прошлому, этнокультурным ценностям нарушает естественный процесс саморазвития этноса. И он был нарушен национальной политикой, которая проводилась в течение последнего тысячелетия. Насильственное выселение народов со своих исконных земель, замалчивание и искажение истории народов, преследование традиционных обычаев, ограничение и сведение на нет преподавания на родном языке, снижение количества публикаций нерусской литературы — все это и многое другое привели к духовному уничтожению этноса.

Анализ памяти и исторической памяти как ценности связан с вопросом: только ли прошлое является ценностью?

На этот вопрос дает утвердительный ответ французский философ и писатель Жан — Поль Сартр: «Ценностью обладает лишь прошлое, потому что прошлое есть; а если настоящее и отмечено видимостью красоты и добра, то исключительно в силу того, что оно светится отраженным светом прошлого, подобно тому как луна светится отраженным светом солнца. Эта духовная несамостоятельность настоящего служит символом его бытийной несамостоятельности, поскольку, рассуждая чисто логически, всякая завершенная форма должна предшествовать своим несовершенным воплощениям» (Сартр Ж.-П. Бодлер // Бодлер Шарль. Цветы зла. М., 1993. С. 433).

Память связывает прошлое, настоящее и будущее. Прошлое зафиксировано в разных формах памяти. Безусловно, прошлое в современной жизни приобретает новое содержание. При оценке прошлого из настоящего мы соотносим его с современностью, а это позволяет выявить новые смыслы прошлого, что изменяет контекст существования прошлого. Поэтому мы находим в прошлом новое содержание, новый смысл и новое понимание.

Н.А. Бердяев в своей книге «Самопознание» писал: «Воспоминание о прошлом никогда не может быть пассивным, не может быть точным воспроизведением и вызывает к себе подозрительное отношение. Память активна, в ней есть творческий, преобразующий элемент, и с ним связана неточность, неверность вос-

поминания. Память совершает отбор, многое она выдвигает на первый план, многое же оставляет в забвении, иногда бессознательно, иногда сознательно». (Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). Л., 1990. С.7-8).

В данной мысли замечаем обоснование двух важных положений относительно памяти. Первое связано с тем, что Н.А. Бердяев разводит воспоминание и память. Воспоминание всегда восстанавливает в памяти прошлое. Но этот процесс осуществляет человек, активно мыслящий человек. Поэтому интерпретация прошлого человеком, т.е. восстановление прошлого в памяти зависит от человека. Второе связано с активностью памяти, с тем, что она способна совершать отбор фактов и также активно определять их место. Таким образом, получается, что ценностно-мировоззренческие ориентации человека, его мышление определяют его активность, а, значит, и «воскрешение прошлого».

Подводя итог, отметим, что в современных условиях аксиоматичной стала мысль: «Общество сильно не только своими достижениями в настоящем, но и памятью о прошлом». Важно помнить, что прошлое, настоящее и будущее не взаимоисключают друг друга, а взаимодополняют. Такое понимание представляется важным и необходимым, поскольку в поисках объединяющих начал российской нации свою нишу должны найти этносы со своей исторической памятью. Память обязывает нас жить по-человечески, достойно. Поэтому память не только может, но и должна жить в новых условиях, творя новые смыслы в современной жизни.

Э.А. Потокова,

*кандидат педагогических наук,
доцент кафедры психологии АГУ*

Современные тенденции развития истории определяют не только особенности состояния исторической науки, но и перспективы ее развития в XXI столетии. В самом общем виде эти тенденции проявляются в поиске новых теорий, изменениях в понимании и проявлении междисциплинарности в исторических исследованиях, в появлении исторически ориентиро-

ванных подходов в исторической антропологии, исторической психологии и даже исторической психиатрии.

К этим новым направлениям исторического знания с полным основанием может быть отнесена обсуждаемая проблема исторической памяти, лежащая на «встречном движении», в сфере сближения позиций историков и психологов. Актуальность и значимость подобной исследовательской практики в значительной мере обусловлена возможностью применения теоретико-методологических подходов, сложившихся в психологии к конкретным проблемам адыгской истории.

Более того, кардинальные изменения, происходящие во всех сферах современного российского общества, модификация системы социально-экономических отношений; серьезная трансформация, происходящая в сфере духовной жизни, в мировоззрении и сознании человека, также заставляют задуматься о значимости сохранения исторической памяти и формировании исторического сознания.

Задачи изучения исторической памяти можно сформулировать в терминах исторической версии выдающего российского психолога Л.С. Выготского: *как разработку и овладение знаковыми средствами, которые превращают память из натуральной психической функции в культурную, в том числе высшую психическую функцию*. При этом речь идет не о зарубке или «узелке на память», а о внутренних, идеальных средствах запоминания. Большинство психологов признают существование трех уровней памяти, различающихся по тому, как долго на каждом из них может сохраняться информация. В соответствии с этим различают непосредственную, или сенсорную память, кратковременную память и долговременную.

Историческая память о событиях Кавказской войны, как свидетельствует работа Э.А. Шеуджен и характер развернувшегося обсуждения, — набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о происходивших событиях, особенно негативного опыта, угнетения, несправедливости в отношении народа. Они не могут не проявляться в привычках, в быту, в культуре, в отношении к другим народам.

Историческая память не означает механического повторения и воспроизведения прошлого, она отражает сложность, не-

однозначность человеческих отношений, изменение духовных ценностей и личных позиций, влияние субъективных мнений. С исторической памятью тесно связано историческое сознание. Суть и содержание исторического сознания представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого. Историческое сознание характерно как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей.

Для понимания проблемы исторической памяти большой интерес представляют некоторые идеи З. Фрейда. Изучая историю массовых движений, З. Фрейд заключил, что в развитии этих явлений существует феномен, соответствующий «*возвращению подавленного*». Он утверждал, что «архаическое наследие человечества включает не только архаические настроения, но также содержание, следы опыта предыдущих поколений, запечатленные в памяти».

Одной из наиболее значимых идей З. Фрейда в плане обсуждаемой проблемы можно считать постулат «*следа в памяти*». Основываясь на своем открытии «бессознательной памяти», Фрейд предположил, что поступающие извне сенсорные раздражения и поступающие изнутри инстинктивные возбуждения (эндопсихические стимулы) не только облегчают сознательное восприятие, но и, проходя через эту систему, производят изменения в психике. (Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989. С. 45).

Запоминание важных данных, их укоренение благодаря повторению идентичных или сходных впечатлений порождает постоянный «*след в памяти*», который впоследствии может быть активирован вновь. По-видимому, эта идея может учитываться при анализе сложной ситуации, сложившейся в адыгском обществе после Кавказской войны.

Не менее значимы, выявленные З. Фрейдом в экспериментально-психологических исследованиях, динамические (мотивационные) факторы в процессах памяти, обычно относимые к разряду познавательных, подчиненных законам ассоциации, либо основанных на предметно-смысловых связи. Именно они связаны с «*забыванием*», «*подавлением*» неприятных впечат-

лений, как средством «вытеснения» и психологической защиты. Современные психологи предпочитают говорить о мотивированном забывании, подчеркивая тем самым, что с помощью такого механизма человек пытается «уйти» от неприятных сторон той или иной ситуации.

Конечно, это далеко не всегда возможно. Историческая память нередко становится ареной идеологических конфликтов и душевных травм. Переписывание истории, переоценка прошлого, свержение кумиров, ирония и насмешка разрывают хрупкую нить исторической памяти. Обращаясь к этой непростой проблеме, Д.С. Лихачев писал: «Память противостоит уничтожающей силе времени. Память — преодоление, преодоление пространства. Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самим собой и перед потомками. Память — наше богатство». (Лихачев Д.С. Память истории священна. М., 1986. С.14).

С этим утверждением нельзя не согласиться. Человеку необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, оставить о себе добрую память. Культурная и историческая память — необходимое условие нравственной жизни, духовной оседлости, национальной идентичности, привязанности к родным местам и патриотизма.

А.К. Чеучева,
доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории АГУ

Обращаясь к сюжетам Кавказской войны, сталкиваешься с комплексом связанных с ней проблем, в том числе духовного развития адыгов Северо-Западного Кавказа. Институты духовного вероисповедания адыгов прошли долгий и сложный путь, сыграли значительную роль в жизни адыгов. Черкесия являлась страной с определенными социально-экономическими отношениями, с установленным порядком и соответствующей идеологией, которая была пропитана свойственными этому обществу мировоззрениями. Религиозные представления отражали уровень развития общественного строя. Даже в нача-

ле XIX века языческие обряды были широко распространены. Адыги признавали существование бога, считали, что он единственный во всей Вселенной, верили в его божественное могущество и поклонялись ему.

По сообщению де Монтрэ, побывавшего у адыгов в 1711 году, адыги поклонялись деревьям, как друиды. Моления проводились в лесу в тени самого красивого дерева. Собираясь в определенные месяцы и дни, они образовывали вокруг священных деревьев процессии с зажженными факелами. (Мотрэ А. де. Путешествие господина А. де ла Мотрэ В Европу, Азию и Африку // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XVIII вв. Нальчик, 1974. С. 141–142).

В годы Кавказской войны языческие верования, закрепленные традицией многих поколений, проявили себя с особой силой. Самые ожесточенные сражения велись в священных местах. Участник боев в долине реки Шахэ, впадающей в Черное море, вспоминал следующее: «Я приехал собрать тела горцев, оказавшихся на поле битвы... Старшины с живой горестью узнали между убитыми двух из главных своих соплеменников. Они пожелали взять их немедленно, а за остальными хотели на другой день прислать арбы... Может быть, тронутые моим поступком и лаской, они стали откровеннее. Говорили об огромной потере своей... Говорили о причинах, которые заставили их с таким ожесточением защищать Шахэ. Прибрежная роща была издревле священной, куда они стекались для языческих обрядов и народных совещаний» (Цит. по: Панеш Э.Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (На примере Западного Кавказа). СПб., 1996. С. 155).

Мир адыга был наполнен чудесами: в них адыги находили противовес банальности повседневного существования. В частое прямое или косвенное вмешательство бога в порядок земной жизни верили все. Существовала целая иерархия выразителей и «передатчиков» божественной воли. Чудодейственная сила святых проявлялась в самых разных сферах: изгнании бесов, умножении плодородия, защите от стихийных и общественных бедствий, в целительной практике. Существовала и вера в злых духов, которые, по их мнению, насылали на людей болезни, природные стихии, неудачи в делах наездничества, неурожаи.

Круг их злых дел велик: «...люди, имеющие связи с духами, могут превращаться в волка, собаку, кошку и ходить невидимкою. Их называют «удди» и приписывают им медлительные детские болезни и головную боль хорошеньких девочек и мальчиков; и падеж телят, ягнят и вообще красивого скота, который они будто сглазывают. Наконец, несчастных подозревают в умерщвлении собственных их детей» (Хан-Гирей. Черкесские предания // Адыгские писатели-просветители XIX века. Краснодар, 1986. С. 101). Уже в период окончания Кавказской войны, в 1863 году, по объявлению в колдовстве были сожжены три человека (Брант З. Абадзехский сказ / Архив Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. С. 14–16).

У адыгов сохранялось причудливое сочетание христианского и языческого мировоззрений. Тэбу де Мариньи, посетивший в 20-е годы XIX века территорию Черкесии, писал, что у адыгов пасха была самым торжественным праздником. Адыги почитали Аус Георга (греческого Иисуса), пророка Яллия (Илью), Моисея (Аймыс). Священным считалось имя Марии (Мерием). О Мезыба, Пшада, Вулана, Джубга, Нечепсуго, Псезуапсе, сильном христианском влиянии свидетельствуют названия дней недели у адыгов. По Тэбу де Мариньи понедельник назывался плепе (начало), вторник — губтке (косарь), среда — бираскезий (малый пост), четверг — меафек (посредине), пятница — бираскешко (большой пост), суббота — мефезепкеа (единственный день), воскресенье — тхаумаф (Божий день) (Мариньи Т. де. Поездки в Черкесию. Нальчик, 2006. С. 155). Пятница — мареим (Марьян день), суббота — щэбэт (шаббат). Названия среды и пятницы — малый и большой пост, в основе слова лежит греческое «параскеви» — подготовка, — свидетельствуют о заимствованиях из иудаизма, потому что евреи в этот день готовились праздновать следующий день. Воскресенье считался божьим днем, и его адыги праздновали, как и христиане.

В годы Кавказской войны усилилось влияние мусульманской религии. При этом характерной чертой Северо-Западного Кавказа была меньшая его исламизация по сравнению с Северо-Восточным Кавказом. Процесс исламизации адыгов начался с периода захвата Османской империей черноморского побережья в XV веке, хотя часть историков свя-

зывает начало этого явления с Золотой Ордой и относит начало этого процесса к XIV веку.

Движение шейха Мансура способствовало становлению ислама на Северном Кавказе. Но его действия имели частичный успех, так как адыги были сильно привязаны к своим традиционным верованиям. Окончательное утверждение ислама произошло у адыгов только в середине XIX века. Хотя жители побережья от Геленджика до Хизе продолжали оставаться язычниками, ислам получил широкое распространение среди дворянства.

В начале XIX века распределение ислама шло по географическому признаку. Адыги, проживавшие на границах с Россией, придерживались христианства, на границах с татарами — ислама, в центре Черкесии — придерживались смеси православия, ислама, язычества. Отзвуком этого синкретизма является клятва, распространенная и сегодня: «Къэхь Теурат, къэхь Инджыл, къэхь Къуршэн» («Клянусь Торой, Евангелием и Кораном»).

Ислам гибко приспосабливался к языческим культурно-религиозным традициям отдельных регионов. Это делало его чрезвычайно привлекательным для населения. Оно, не отрекаясь от доисламского пласта культуры, осознавало себя мусульманским. Ислам являлся религией общества оседлого, и поэтому не мог быть приспособлен к кочевому образу жизни. Адыги не всегда исполняли последовательно и глубоко предписания мусульманской религии.

Этому, по мнению Хан-Гирея, мешали ситуации их жизни, почти «походной», «верховой», нежели земной. Беспокойный образ жизни черкесов был причиной того, что они слабо исполняли обряды, предписываемые исламом, хотя каждый из них готов был отдать жизнь за малейшее оскорбление его вероисповедания. Те из них, кто поддерживал религиозные обряды, превосходил турок в религиозном фанатизме и прилежании в исполнении вероисповедания (Хан-Гирей. Указ. соч. С. 52).

Вместе с исламизацией в годы Кавказской войны проходила вторичная христианизация населения Северо-Западного Кавказа, имевшая небольшой успех. Христианство приняло только небольшое число кабардинцев. Таким образом, в религиозных представлениях адыгов одновременно сосущество-

вало три линии: собственно адыгская (языческая, корневая), христианская и мусульманская.

Характерной чертой культуры адыгов являлось господство устной традиции. Огромное большинство населения было неграмотным (не считая духовенства, владеющего в какой-то мере арабской письменностью). В среде людей, не умевших читать, слово обладало особой силой. Оно было важнейшим звеном общения людей друг с другом. Неграмотность, ограничивавшая возможности использования письменного слова, обусловила в жизни адыгов большое значение духовенства и его воздействие на чувства и разум. В 1835 году в Черкесии появился первый эфенди-просветитель Усток. Им было открыто около ста медресе, в которых люди, обученные им самим, обучали людей читать Коран и адат (судебные уложения). Только после такого обучения многие стали лучше понимать ислам (Брант З. Указ. соч. С. 16).

В мире неумевших читать, слово обладало особой силой. Оно было важнейшим звеном общения людей друг с другом. «Эфендий, кадий и мулла с книгою в руках... с иступлением красноречия буйного фанатизма и с душою властолюбивой может более успеть в несколько месяцев в этой стране, нежели несколько тысяч воинов с оружием в руках в несколько лет» (Хан-Гирей. Указ.соч. С. 122). Через слово мусульманского духовенства человек получал инструкции нравственного и религиозного поведения, подкрепляемые поучительными историями и примерами.

Проповедь религии порождала специфический синтез мировоззрений. Давление духовенства на население приводило к выработке взглядов, весьма далеких от того, чего добивалось духовенство. Элементы новой религии переплетались в них и синтезировались с мощными слоями архаических верований и представлений о мире, во многом и определявших поведение адыгов. Распространение ислама и арабского языка натолкнулось на мощную фольклорную традицию устной адыгской литературы. В религиозных представлениях населения одновременно сосуществовали три линии: языческая, христианская и мусульманская.

Проявление определенных идей не только в учениях выдающихся людей, но и в коллективной мысли больших групп

людей, в верованиях, предрассудках, когда идеи получают широкое распространение и становятся «частью мыслительного инвентаря многих людей», имеет особое научное значение. (Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. №1. С. 13).

Важно понять, как возникают и распространяются новые убеждения и интеллектуальные формы, освещенные психологической природой определенных народов, воздействующих на изменения в популярности и влиятельности тех или иных идей на население, выяснить, по возможности, как религиозные концепции, которые доминировали или преобладали в одном поколении, теряют свою власть над умами людей и уступают место другим.

Будко Е.

студентка 4 курса исторического факультета АГУ

В наше время политический и научный интерес к Кавказской войне заметно актуализировался. Действительно, как отмечает Э.А. Шеуджен в своей работе, войны занимают особое место в истории народов. Путем жестоких, продолжительных войн решались проблемы территорий, ресурсов, политической престижности, экономической и духовной экспансии. Фактически все эти обстоятельства определяли причины Кавказской войны, ее масштабность, продолжительность и ожесточенность.

Процесс исследования Кавказской войны уже более 150 лет развивается в условиях выраженной политизированности, связанной со сложной послевоенной ситуацией в кавказском регионе, исторической памятью коренного населения о негативных и трагических последствиях войн, а также наличием в современной историографии диаметрально противоположных взглядов на эти сложные события.

Если вывести за скобки, манящие историков острые сюжеты многочисленных событий XIX века на Кавказе, то главные аспекты многоплановой проблемы «Россия-Кавказ» были сведены в исследовательской практике к поиску однозначного ответа на вопрос: «Россия присоединила Северный Кавказ или его завоевала?»

Между тем, как считает известный современный кавказовед В. Дегоев, сложная, динамичная структура русско-кавказских отношений знала все: ненависть и приязнь, насилие и добрую волю, подозрительность и доверие, противоречия и компромиссы, откровенную глупость и искренние заблуждения. Поэтому такие отношения никогда не были только «одной войной» или только «идиллией многовекового сотрудничества». Фактически эти отношения охватывали самый широкий спектр, по сути еще малоизученные промежуточные формы и фазы. (Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность: статьи, очерки, эссе. М., 2001).

Заслуживает внимания утверждение Э.А. Шеуджен, что в настоящее время в историографии прослеживается две позиции. Часть исследователей считает, что для народов Северного Кавказа был возможен самостоятельный путь развития — образование государственности у отдельных этнических групп, отмечая, что для этого были потенциальные предпосылки. Позиции других исследователей диаметрально противоположны. При всей трагичности Кавказской войны, утверждают они, именно она, вернее ее последствия, вывели народы Северного Кавказа из устойчивой, углубляющейся стагнации. (Шеуджен Э.А. Кавказская война в пространстве исторической памяти. К 145-летию окончания кавказской войны. Майкоп, 2009. С.31).

Очень важно, что наметилась тенденция проведения социологических исследований, которые позволяют в какой-то мере представить влияние событий прошлого на массовое историческое сознание.

Р.А. Ханыху,

*доктор философских наук, профессор,
заведующий отделом философии и социологии АРИГИ.*

В мае 2009 года исполняется 145 лет со дня официальной даты окончания Кавказской войны. Отдел философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований провел социологическое исследование, приуроченное к этой годовщине. Это уже третье по счету исследова-

ние, проведенное нами по данной проблеме. Первое состоялось в 1994 г., второе — в 2004 г., третье — в 2009 г.

Все исследования проводились по одной методологической и методической модели. По репрезентативной выборке были опрошены адыги и русские, а также относительно небольшое количество представителей других национальностей. Исследованием были охвачены города Адыгейск, Майкоп, Краснодар, Сочи, Армавир, Кропоткин и др., а также сельские населенные пункты районов Адыгеи и Кубани. Анкетированием было охвачено в 1994 г. — 834, в 2004 г. — 842, в 2009 г. — 833 респондентов. В 2004 и 2009 гг. нами также был проведен Интернет-опрос на сайте института www.arigi.ru и www.arigi.adygnet.ru. В последнем опросе приняли участие 273 российских и 1297 зарубежных посетителей сайта.

Актуальность поднятой темы — образ Кавказской войны в этническом сознании — во многом представляется очевидной. Большое число современных региональных и общероссийских научных и практических проблем корнями восходит к периоду Кавказской войны. Так, проблемы ассиметричности российского федерализма, то есть использование при построении федерации этнического принципа, наряду с административным, исторически обусловлено внедоговорным характером построения Российской Федерации.

На всех периодах своего существования, включая советский период, Российская Федерация в основном строилась «сверху» путем декретов и приказов, формально прикрываясь словами о желании народов объединиться на определенных условиях. Существование так называемых «национальных республик» в этом контексте можно рассматривать как своеобразный «откуп» центральной власти от меньшинств, с которыми в перипетиях драматических исторических событий не нашлось времени или желания договориться.

Оценки этническим сознанием Кавказской войны чрезвычайно любопытны с точки зрения исследования логики северокавказской конфликтности и все еще имеющихся этнических проблем (в первую очередь в Чечне и Дагестане). Очевидно, что предельно категорические оценки представителями меньшинств Кавказской войны исключительно как захватнической способны породить столь же предельно категорические

требования реванша в форме «восстановления исторической справедливости» и подталкивать события к развитию по сепаратистским сценариям.

В принципе, речь идет о вероятности «оккупационного» стиля мышления: маркировке России как «оккупационной» страны с последующим устремлением выдавливания «оккупантов», ограничения использования русского языка и желания достичь политической независимости. (Несколько опережая события, скажем, что исследования не подтвердили этой гипотезы).

Значимость проведенного исследования заключалась также в том, чтобы определить, являются ли меры, предпринимаемые федеральной и республиканской властью, достаточными для того, чтобы снять постконфликтные травмы и синдромы массового сознания, образовавшиеся в результате Кавказской войны. Важность исследования состояла также в том, что оно позволило уточнить состояние межэтнических, прежде всего адыго-русских отношений в Адыгее и на Кубани.

Первое исследование, проведенное весной 1994 г., вызвало большой резонанс и получило положительные отклики в общественно-политической и научной литературе. Его результаты были опубликованы в ведущем социологическом журнале страны. Благодаря повторным исследованиям появилась возможность зафиксировать появившиеся отличия в оценках массовым сознанием интересующих нас исторических событий и таким образом приблизиться к изучению динамики оценок Кавказской войны.

Представляется, что ее исследование является необходимым условием проникновения в глубинные пласты общественного и группового сознания, ответственных за продуцирование стереотипов, мотиваций типов индивидуального и группового социального поведения, а также социальной мифологии. Исследование показало, что за 15 истекших лет респонденты стали более раскованными и разнообразными в своих мнениях. Увеличилось количество ответов на так называемые открытые вопросы анкеты. Вместо выбора ответа на вопрос из предложенного перечня возможных ответов респонденты значительно чаще предпочитали сформулировать ответ самостоятельно.

Вместе с тем, как и 15 лет тому назад, у русских и адыгов по-прежнему фиксируются существенные отличия в восприятии Кавказской войны. Мнения указанных групп респондентов разошлись уже по вопросу о том, какое название — «Русско-Кавказская война» или «Кавказская война» — является более адекватным. В анкете 1994 года респондентам были предложены такие варианты: 1) Кавказская война. 2) Русско-Кавказская война. 3) национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа. На первое место опрошенные поставили понятие «Русско-Кавказская война», на второе — «Национально-освободительное движение», на третье место — «Кавказская война».

В анкете 2004 года вопрос был сформулирован следующим образом: «Какое название в большей степени отражает это историческое событие?». Это был так называемый закрытый вопрос анкеты, то есть он предлагал только три возможных ответа: 1) Русско-Кавказская война; 2) Кавказская война; 3) затрудняюсь ответить. Так, 47 процентов от общего числа опрошенных отметили, что это «Русско-Кавказская война», 46 процентов — «Кавказская война», а 7 процентов затруднились с ответом. Почти 60 процентов опрошенных адыгов предпочли ответ «Русско-Кавказская война», и 40 процентов адыгов — «Кавказская война». У русских ответы на данный вопрос находятся почти в обратной пропорции: около 40 процентов — «Русско-Кавказская война», и 52 процента — «Кавказская война» (10 процентов русских затруднились с ответом).

В исследовании 2009 года, которое было идентично социологическому исследованию 2004 года, мнения несколько изменились. Опрошенные на первое место поставили номинацию «Кавказская война» (66 процентов), на второе — «Русско-Кавказская война» (33 процента), на третье — «затрудняюсь ответить» (6 процентов). Среди респондентов русские составили 60 процентов от общего числа опрошенных (833 человека), адыги — 28 процентов (234 человека).

Российские посетители сайта (273 респондента), среди которых русских было 37 процентов, адыгов 46 процентов, отдали предпочтение понятию «Русско-Кавказская война» (58 процентов) и «Кавказская война» (34 процента), затруднились с ответом 6 процентов. Ответы на вопросы анкеты зарубежных посетителей сайта www.arigi.adygnet.ru, среди которых в основном были

представители адыгской диаспоры (88 процентов), были таими: 84 процента на первое место поставили номинацию «Русско-Кавказская война» и только 34 процента сказали «Кавказская война», один процент затруднился со своим выбором.

Интересно то, что ряд респондентов в своих ответах на открытые вопросы анкеты предлагали не вводить в научный и общественно — политический оборот понятие «Русско-Кавказская война», а ещё лучше, считают они, запретить его употреблять, так как «это может разрушить хрупкий мир на Северном Кавказе». Такие мнения присутствовали в обеих этнических группах. Таким образом, мы наблюдаем во всех трёх исследованиях один и тот же феномен: респонденты склонны в большей степени связывать название войны с её этнической составляющей.

Обращает на себя внимание тот факт, что в обеих этнических группах очевиден раскол по вопросу номинации войны. На наш взгляд, он имеет принципиальный характер. Можно предположить, что сторонники номинации «Русско-Кавказская война», вводя этническую компоненту, связанную с «русскостью», адресуют проблемное историко-идеологическое наследие современной России, в том числе и современной российской власти. В то время как вторые склонны воспринимать интересующий нас исторический сюжет и его утвердившуюся номинацию «Кавказская война», так сказать, традиционно, по тому, как «сложилось» в публицистике и историографии.

Эта гипотеза нашла подтверждение во множестве ответов на другие вопросы. Расхождения во мнениях по вопросу о номинации войны нашли подтверждение также в ответах на открытые вопросы анкеты. Например, респонденты-русские писали, что «историю трогать не надо», дабы не разжечь межэтнические страсти, а респонденты-адыги настаивали на необходимости «познать всю правду» Кавказской войны, чтобы впоследствии учесть все ее последствия.

Особенно хорошо высветил имеющиеся различия в позициях вопрос анкеты, касающийся наличия интереса к войне. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Есть ли у Вас интерес к этому историческому событию?». Большинство респондентов — 63 процента — утвердительно ответили на этот вопрос.

Около 40 процентов адыгов ответили определенно — «да», и еще 37 процентов — «скорее да, чем нет». Таким образом, тема войны по-прежнему актуальна для абсолютного большинства (77 процентов) адыгов. Больше всего проявляют интерес к историческому событию XIX века представители адыгской диаспоры (85 процентов). У русских ответы на этот вопрос распределились иначе. Только 24 процента русских респондентов ответили определенно — «да». Примерно столько же (29 процентов) ответили «скорее да, чем нет». Таким образом, количество русских, имеющих относительно устойчивый интерес к войне, составляет около половины от общего числа опрошенных по вопросу номинации

Расхождения в оценках зафиксированы и в ответах на вопрос: «Согласны ли Вы, что Кавказская война была объективной необходимостью, вытекающей из стремления получить выход к Черному морю и защитить закавказские земли?». С подобным суждением согласен 31 процент адыгов. Еще 18 процентов «скорее согласны, чем нет». То есть, объективную причину войны в сумме усматривает половина адыгов. (Затруднились с ответом 22 процента). Не согласны с таким суждением 20 процентов респондентов адыгской диаспоры.

В ответах на этот вопрос русских респондентов картина иная. Так, 43 процента из них считают, что война была вызвана именно этой объективной необходимостью. Еще 33 процента также скорее согласны, нежели не согласны с такой трактовкой причин начала войны. Таким образом, порядка 77 процентов русских считают, что война была вызвана объективной необходимостью.

Явные различия трактовок причин войны в этнических группах свидетельствуют о сохраняющейся фрагментации историко-идеологического пространства Республики Адыгея и Кубани, которая может быть оценена как скрытый конфликтный потенциал. Разумеется, его наличие совсем не обязательно способно привести к насилию. Однако эта конфликтность постоянно прорывается на страницы газет, журналов и монографий в форме эмоционально насыщенных и этнически окрашенных противоположных истолкований Кавказской войны. Также известно, что на всем Северном Кавказе продолжают горячие споры вокруг наименований памятников, улиц и пло-

щадей, населенных пунктов и даже районов (Лазаревский район Краснодарского края, например).

Особенно явно различия интерпретаций Кавказской войны были выявлены при анализе ответов респондентов на вопрос: «Согласны ли Вы, что Кавказская война была агрессивной со стороны России?». Отвечая на этот вопрос, 40 процентов адыгов ответили «да». Еще 20 процентов — «скорее да, чем нет». Таким образом, порядка 60 процентов адыгов склонны «обвинять» историческую Россию в агрессии. (Затруднились с ответом 25 процентов). «Обвиняют» Россию в агрессии против исторической Черкесии 85 процентов адыгской диаспоры.

У русских картина иная. 10 процентов согласны с этим утверждением. Еще 14 процентов скорее согласны, чем нет. То есть менее четверти русских считают войну агрессивной. Примерно половина опрошенных дали отрицательный или скорее отрицательный, чем положительный ответ на данный вопрос. Примерно такое же соотношение ответов русских и адыгов отмечено при ответе на вопрос: «Согласны ли Вы, что Кавказская война была во всех отношениях несправедливой и привела к геноциду адыгов — черкесов?». По сути, вопрос о «геноциде» был контрольным.

Расхождения в оценках проявились также при ответе на вопрос: «Согласны ли Вы, что следствием Кавказской войны стало то, что она позволила народам Северного Кавказа приблизиться к цивилизации?». Более 60 процентов русских считают, что «да» или «скорее да, чем нет». И только 27 процентов адыгов и 8 процентов диаспоры согласны с таким суждением.

Таким образом, респонденты-русские, как и пятнадцать лет тому назад, стремились быть достаточно объективными в своих ответах. Однако причастность исторической России к событиям XIX века на Кавказе формирует некий «комплекс виновности», создает дискомфорт в массовом сознании, вызывает потребность в оправдании насильственной колонизации горцев. Не случайно многие респонденты-русские стремятся оправдать насилие на Северном Кавказе якобы привнесением сюда «цивилизации». Но были и такие респонденты, которые считают, что «цивилизацию на штыках не приносят». То есть можно утверждать, что в этническом сознании адыгов и русских ещё не сформировалось представление о Кавказской во-

йне в её рациональной парадигме. И, видимо, произойдет это ещё не скоро.

В обеих этнических группах анкетизируемые признают наличие разнообразных «следов» Кавказской войны. Русские больше склонны усматривать их в состоянии межэтнических отношений (51 процент), адыги — в памятниках и названиях населенных пунктов. При этом большое количество адыгов — 44 процента — также считает, что «негативные следы» имеются и в межнациональных отношениях. Респонденты обеих этнических групп находят эти следы и в возвращении репатриантов на историческую родину (русские — 13 процентов; адыги — 23 процента).

Зафиксированные нами отличия оценок Кавказской войны адыгами и русскими ярко проявились при ответе на вопрос: «Что нужно сделать, чтобы устранить негативные последствия Кавказской войны?». 34 процента адыгов и 77 процентов представителей диаспоры считают, что для этого необходимо «признать на уровне ООН, государственных органов России геноцид адыгов-черкесов». И только 6 процентов русских отмечают, что это надо сделать.

Интересно, что такие же данные на этот вопрос были получены пятнадцать лет тому назад. Вероятно, констатация факта признания геноцида чрезвычайно болезненна для русского национального сознания, которое в настоящее время испытывает большие «перегрузки», возможно, в связи с продвижением НАТО к границам России, с положением русскоязычного населения в бывших союзных республиках. Но при этом в обеих этнических группах высок процент респондентов, считающих, что последствия Кавказской войны надо снимать путем издания книг и учебников, освещающих правду о войне (адыги — 47 процентов, русские — 40 процентов). Любопытно, что в обеих этнических группах есть мнения, что Кавказскую войну надо «забыть»: русские — 11 процентов, адыги — 6 процентов.

Такая очевидная востребованность источников по историческому событию XIX века объясняется тем, что современные учебники, как учебники и книги советских времен, неадекватно отображают ход и последствия Кавказской войны в силу односторонней идеологической заданности. Назрела необходимость обобщающего фундаментального историко-

научного исследования Кавказской войны и издания на его основе учебника.

Имеющаяся в настоящее время неполнота и бессистемность сведений о Кавказской войне способствует формированию социальных мифов. Такими мифами являются, например, убеждение определенной части казачества в том, что их предки пришли на «вольные земли» и что якобы горцы спровоцировали впоследствии войну, или другой «популярный» миф о набеговой системе горцев, наличие которой и стало причиной Кавказской войны.

Отсутствие фундаментального неподцензурного обобщающего историко-научного исследования, а также отсутствие качественного учебника может привести к доминированию актуально-политических аргументов в ущерб историко-научным аргументам при обращении к тем или иным историческим проблемам.

При всех расхождениях в оценках войны у адыгов и русских они сходятся в том, что федеральный центр не учитывает (или скорее не учитывает, чем учитывает) уроки войны. Достаточно сказать, что четверть от общего числа опрошенных в обеих этнических группах затруднились с ответом. Суммарное же количество русских считающих так составляет чуть меньше половины от общего числа опрошенных, адыгов — около 60 процентов.

Представляется, что с этой оценкой респондентов можно согласиться. На самом деле, какой-либо эффективной научно обоснованной работы с использованием «инструментов тонкой настройки» по снятию постконфликтного синдрома, вызванного Кавказской войной, не ведется. Исторические (и псевдоисторические) аргументы по-прежнему часто используются в узкополитических, а не общественных интересах. Наше исследование, которое выявило сохраняющуюся актуальность Кавказской войны, наличие противоречий в ее оценках, показывает, что удовлетворительного ответа на запросы массового сознания власть пока не дала. Историческая травма — Кавказская война — по сей день находится на периферии ее внимания.

Следует особо отметить, что наличие постконфликтного синдрома имеет своим следствием недоверие к федераль-

ному центру, который со стороны этнических меньшинств идентифицируется как «русская власть». В условиях кризиса легитимности власти недоверие к ней усугубляет кризисы модернизационного процесса. Это препятствует надэтнической самоидентификации, способствует борьбе и циркуляции элит, стратифицированных по этническому признаку, делает для этнического самосознания слабопроницаемыми границы антитезы «мы — они» и в целом ведет к взаимному этническому отчуждению.

Общая картина также усугубляется тем, что на протяжении почти всей российской империи этнические меньшинства находились в зависимом положении. В массовом сознании «национальных окраин» сформировался образ Российской империи, которая неоднократно использовала силовые методы решения проблем (Кавказская война XIX века, депортация народов в 1943-1944 гг., боевые действия в Чечне в конце 90-х годов XX века) и поэтому вряд ли готова к равноправному непредвзятому диалогу.

Таким образом, насилие со стороны России на Северном Кавказе в историческом прошлом и настоящем отражается в исторической памяти, служит препятствием для эффективного межэтнического диалога со всеми вытекающими отсюда последствиями. Следует учитывать, что моральность отношений является в сознании горцев непременным условием возможности самих отношений.

Необходимо подвести прочный морально-нравственный фундамент под отношения с коренными народами Северного Кавказа, правильно расставить акценты в оценке исторических событий. Неслучайно для большинства адыгов и сегодня так актуальны требования признания факта насильственного изгнания адыгов с исторической территории (народ-изгнанник), в терминах ряда историков и политиков — факт геноцида коренного населения в годы Кавказской войны.

Иными словами, респонденты — адыги исходят из необходимости восстановить очевидную историческую справедливость — продекларировать «...всего лишь признания моральной вины старого российского государства перед их предками...». (И. Куценко. Газета «Кавказские новости» №5. 11 мая 2004 г.). Это значительно поднимет авторитет федеральной власти сре-

ди народов Северного Кавказа, будет способствовать более полному восстановлению межэтнического согласия и доверия.

В противном случае недоверие и негативные стереотипы («империя», «великодержавная политика» и др.) среди определенной части населения Северного Кавказа будут сохраняться и стимулировать социальную апатию или, в лучшем случае, конформистское поведение, а в худшем — может привести к сепаратизму и национализму. Конфликтность, присущая в той или иной форме массовому сознанию, также может сохраниться.

Представляется, что урегулирование постконфликтного синдрома может производиться на базе традиционных для горцев ценностей (например, намыс-честь, достоинство), которые во многом совпадают с общечеловеческими ценностями. Необходимо четко определить конфликтное содержание массового сознания в его исторической компоненте, подвести приемлемые морально-этнические основания путем беспристрастной оценки прошлого.

Необходимо также отмежевываться от историков, ангажированных тем или иным националистическим движением. В сложившихся условиях должна значительно повыситься роль интеллигенции, и прежде всего научной. Ее готовность и способность к цивилизованному диалогу, научная и профессиональная добросовестность, способность принимать и реализовывать перспективные политические решения, соблюдение демократических принципов должны стать примером для остальных социально-общественных групп и одновременно залогом межнационального благополучия и согласия.

Е. Ашурова,

студентка 4 курса исторического факультета АГУ

Историческое сознание и историческая память сегодня являются устойчивыми характеристиками образа жизни людей и во многом определяют их намерения и настроения, оказывая мощное влияние на характер и методы решения общественных проблем. Историческая память — это «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи

с настоящим и будущим» (Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. №4. С. 41 — 47).

Каждый отдельно взятый человек, группа людей, социальный слой, представляет собой сочетание научных и повседневных (бытовых) представлений об истории в целом, истории России, своего народа, а также истории своего города, села, и иногда своей семьи. Память нередко бывает избирательна: она делает акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие. Такой подход в первую очередь связан со значимостью исторического знания и исторического опыта для современности, для происходящих в настоящее время событий и процессов и возможного их влияния на будущее. Особенно часто объектом пристального внимания становятся значительные исторические события, касающиеся страны, региона, а также некоторые проблемы в жизни народа.

В наши дни, когда проблема общения народов мира стала глобальной, особое место в исторической памяти человечества занимают военные и «культурные» конфликты прошлого. Для народов Северного Кавказа таким важнейшим событием, «местом памяти», является история Кавказской войны. Отголоски её ощущаются и в наше время: налицо вспышка острых межнациональных противоречий в регионе. Не случайно некоторые исследователи предлагают называть нынешние проблемы на Северном Кавказе «второй Кавказской войной», поскольку они берут начало в комплексе нерешенных проблем Кавказской войны XIX в. (Фейгин М. Вторая Кавказская война // Новый мир. 1995. №12).

Это событие в обсуждаемой работе Э.А. Шеуджен наиболее точно было бы охарактеризовано как «вневременное», память о котором сохраняется в веках и передаётся от поколения к поколению. Однако, несмотря на свою значимость, феномен Кавказской войны остаётся одной из самых сложных и неизученных проблем нашей истории. В учёном мире до сих пор не утихают споры, но споры идут не только в научном мире.

Сегодня в многочисленных книгах, статьях, телепередачах, особенно во всемирной сети, можно найти массу различных точек зрения по поводу событий на Кавказе XIX века. Речь идёт о всевозможных форумах, он-лайн викторинах, интервью

и т.п. Часто критерием истины здесь является не научность, а национальность либо религия. Нередки случаи, когда доходит до откровенного искажения событий. Эти виды «познания» Кавказской войны (в более широком смысле, истории Кавказа вообще) ничего, кроме национальной вражды, людям принести не могут.

Однако некоторые материалы заслуживают внимания. В дополнение к уже приведенным результатам социологических исследований хотелось привести сведения, получившие отражение в Интернете. ([Http://www.adhish.rbsu.ru](http://www.adhish.rbsu.ru)). Центр новой социологии и изучения практической политики «Феникс» провел опрос, целью которого было составить представление об информативности студентов и интеллигентов-гуманитариев относительно Кавказской войны. Из числа опрашиваемых были исключены историки, т.к. предполагалось, что они, как профессионалы, должны иметь более или менее четкое представление о Кавказской войне. Респонденты были разбиты на две большие группы: на молодежь (в основном студенты и аспиранты) и на гуманитарную интеллигенцию старше 35 лет (в основном преподаватели). Было опрошено всего 200 студентов и молодых аспирантов.

Основным результатом обследования можно считать то, что опрос выявил, мягко говоря, очень низкий уровень знаний о Кавказской войне. Уже на первый вопрос «С какого по какой год длилась Кавказская война?» точно не смог ответить не один респондент. Причем чрезвычайно велико было число тех, кто вообще не мог ответить на этот вопрос (у молодежи — 72%, старше 35 лет — 61%). Остальные в основном ответили: «XIX век», без каких-либо дальнейших уточнений.

Не лучше оказались и ответы на вопрос «На какой территории проходили боевые действия?»: 28% молодежи и 2% респондентов старше 35 лет вообще не смогли сказать, где проходила Кавказская война! 45% в первой группе и 28% во второй рискнули предположить, что Кавказская война шла на Кавказе. Буквально считанные единицы смогли детализировать свой ответ. В основном эти респонденты ответили: «Чечня» или «Чечня и Дагестан» (3% у молодежи, т. е. 6 человек, и 5,5% старше 35 лет, т.е. 11 человек). Лишь несколько человек из второй группы оказались в состоянии достаточно точно очертить

территорию боевых действий в Кавказской войне. Все они оказались старше 55 лет, мужчинами, преподавателями.

На вопрос «*Какие стороны были вовлечены в конфликт?*» 25% молодежи и 6% старше 35 лет не смогли ответить вообще. 22% в первой группе и 8% во второй сочли воюющей стороной неких анонимных «кавказцев», а 71% и 91% — Россию, соответственно 24% и 77% — «горцев» («горцев-мусульман»), 12% и 38% — Турцию, 4% и 8% — Персию (Иран), 3% и 8% — Англию.

На вопрос об *исторических лицах, участвовавших в боевых действиях*, вообще не смогли ответить 32% молодежи и 12% респондентов старше 35 лет. Лишь 24% в первой группе и 68% во второй назвали Шамиля, соответственно 12% и 62% — А.П. Ермолова. Лишь 3% и 6% смогли назвать Гази-Мухаммеда, 0% и 2% — И.С. Паскевича, 0,5% и 3% — Н.Н. Муравьева. Свыше 5% в первой группе и около 12% во второй (преимущественно филологи и журналисты) включили в число исторических лиц писателей: М. Лермонтова (5,5% и 12%), Л. Толстого (6% и 12,5%), А.Бестужева-Марлинского (5% и 11,5%), А. Грибоедова (6% и 1,5%).

На вопрос «*Сказываются ли последствия этой войны сегодня и если да, то как?*» не смогли ответить 28% респондентов из первой группы и 8% из второй. Соответственно 2% и 0,5% ответили «не сказываются», а 18% и 12,5% сочли, что сказываются, хотя и не смогли сказать как. Это отражает, безусловно, воспринятое еще в школе и перешедшее на уровень массового сознания убеждение, что ничто в истории не проходит бесследно. Остальные респонденты смогли назвать значительное число сегодняшних последствий Кавказской войны: Россия вынуждена сегодня решать запутанные национально-территориально-религиозные проблемы на Кавказе (8% и 26,5%); к русским на Кавказе и в Закавказье относятся неприязненно или с ненавистью (12% и 32,5%); на Кавказе возобновилась война (16,5% и 40,5%); на Кавказе возникли проблемы с казачеством (8,5% и 12,5%) и т.п.

В какой-то степени скудные знания о Кавказской войне разъясняют ответы на вопрос «*Интересовала ли Вас когда-либо эта тема?*». Лишь 4% респондентов старше 35 лет ответили «да», а среди молодежи таких не было вовсе!

Исходя из результатов опроса, были сделаны два основных вывода: во-первых, уровень знаний о Кавказской войне у гуманитариев и историков значительно падает с уменьшением их возраста, а у студентов, получивших школьное образование в основном уже после начала «перестройки», даже стремится к нулю. Отчасти, конечно, такие результаты можно объяснить тем, что у респондентов старше 35 лет было больше времени и возможностей для накопления знаний, но узкая специфика темы дает возможность также заподозрить наличие заметного ухудшения в области преподавания истории в стране.

Во-вторых, несмотря на свою исключительную длительность, Кавказская война оказалась одной из наименее известных войн, которые вела Россия. Общий уровень знаний о ней чрезвычайно низок. Вообще тот факт, что в среднем 38% молодежи и 21% лиц старше 35 лет не могли ничего рассказать об этой войне, позволяет характеризовать Кавказскую войну как самую неизвестную войну.

Это особенно печально и тревожно, учитывая острую политическую и военную ситуацию на Кавказе сегодня. Подобное отношение молодежи к своему прошлому является благоприятной почвой для разного рода фальсификаций, заблуждений и манипуляций, которые легко могут осуществляться для разжигания национальной вражды. Стоит задаться вопросом: «Быть может именно поэтому обстановка на Кавказе в наше время столь напряжена?»

Выходом является повышение уровня знаний молодежи о своём прошлом. Эту задачу нужно осуществлять уже на уровне начальных учебных заведений. И самое главное, нужно помнить, что с момента окончания Кавказской войны прошло полтора столетия. Вряд ли стоит делить поступки участников покорения Кавказа «на хорошие и плохие». Важнее иметь в виду уроки истории, чтобы взвешенно подходить к сегодняшней ситуации и грамотно решать возникающие проблемы с учетом опыта предков.

Пользуясь направленностью заседания Ученого совета, посвященного 145 — летию окончания Кавказской войны, считаю возможным изложить свой взгляд на некоторые исследовательские проблемы. Большинство отечественных историков (как дореволюционного времени, так советского и современного периодов) принимали ранее и сейчас используют понятие «Кавказская война» и обозначающий его термин. Следует признать, что это понятие и термин не идеальны и недостаточно точны для отображения признаков обозначаемого ими явления. Не случайно одни историки подвергают их критике и пишут о «так называемой Кавказской войне» (В.Б. Виноградов), а другие считают, что «понятие «Кавказская война» сложилось в русской дореволюционной исторической науке как весьма условное наименование для огромного комплекса событий, связанных с вооружённым столкновением между горцами северо-восточного и северо-западного Кавказа в период с начала XIX века до 1864 года. (Дегоев В.В. Кавказская война XIX века и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия XXI век. 1997. №9-10. С. 107).

Понятие «Кавказская война» было введено для обозначения *совокупности событий и явлений* военно-политического содержания в политике Российской империи в кавказском регионе. Оно характеризовало методы, черты и особенности проведения этой политики Российского государства: во-первых, по отношению к его южным соседям Ирану и Турции в борьбе за присоединение Кавказа; во-вторых, это понятие отражало одно из направлений политики по присоединению кавказских народов к России.

Изначально понятие «Кавказская война» (вариант «Кавказские войны») обозначало один из аспектов (военный) региональной (кавказской) российской политики без указания на противоборствующие стороны. И это было не случайно: Кавказская война понималась как широкое по содержанию явление, включавшее все военно-политические события, в которых принимала участие русская армия как в Закавказье в войнах с

Персией и Турцией, так и на Северном Кавказе в противостоянии с горскими и иными народами этой части Кавказа.

Этот термин получает распространение после издания в 1860 году военным историком Р.А. Фадеевым книги «Шестьдесят лет Кавказской войны». Он, как считается, ввёл данное название в научный оборот. В том же году появилась и работа полковника Д. Романовского «Кавказ. Кавказская война». Однако ещё долгое время этот термин не был устоявшимся, и «вплоть до 1940-х гг. и дореволюционные, и первые советские историки предпочитали более осторожно говорить о «Кавказских войнах империи». (Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 113).

Одновременно с данными понятиями в научный оборот был введён термин «горская война», относившийся исключительно к военно-политическим событиям первой половины XIX века на Северном Кавказе. В одной из своих работ — «Письма с Кавказа» — Р.А. Фадеев отмечал, что «горская война началась собственно только с 1817 года, по возвращении Ермолова из Персии», чем выделял её из общего содержания Кавказской войны. (Фадеев Р.А. Письма с Кавказа // Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003. С. 122).

Следовательно, в дореволюционной литературе достаточно чётко проводилось различие между понятиями «Кавказская война» и «Горская война». Так, в «Словаре кавказских деятелей», изданном в 1890 году в Тифлисе, в биографических сведениях упомянутых в нём лиц отмечали: «участвовал в горской войне», «отличался в горской войне», отличая её таким образом от других войн, которые велись на Кавказе (русско-турецких, русско-иранских, кавказского фронта Восточной войны) и событий военного характера в других районах Кавказа.

Советская историографическая традиция заметно сузила понятие «Кавказская война», распространив его только на Северный Кавказ, включив, между прочим, и Дагестан, относившийся до 1917 года по управлению к Закавказью. При таком подходе «Кавказская война» и «горская война» стали синонимами. Но одновременно, во-первых, с более узкого по содержанию понятия «горская война» его смысл был передан более широкому по объёму и содержанию понятию «Кавказская война», а, во-вторых, на него были распростра-

нены несвойственные ему черты, присущие только характеру взаимоотношений России с горскими обществами, включая и военные столкновения.

Объединение признаков обоих понятий и фактический отказ от названия «горская война» привели к хронологической непоследовательности и неопределённости, связанной в основном с началом Кавказской войны. Если её завершение большинство историков относят к 1864 году (завершению горского сопротивления на Северо-Западном Кавказе), то хронологические рамки её начального периода произвольно раздвигаются почти на 400 лет. При таком подходе начало Кавказской войны связывается не с началом противодействия горских обществ Северного Кавказа и Дагестана российской политике, а с появлением России на Кавказе и её военно-политическим закреплением в регионе.

За исходную точку Кавказской войны Р.А. Фадеев принимал 1801 год, считая что, «начало Кавказской войны совпадает с первым годом текущего столетия, когда Россия приняла под свою власть Грузинское царство». (Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны // Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003. С. 34). С этим событием — присоединением к России Картли-Кахетинского царства он связывал и изменение содержания политики Российской империи к народам Северного Кавказа, которые с этого периода «из заграничных и чуждых нам сделались внутренними», а результатом этих изменений стало то, что «Россия необходимо должна была подчинить их своей власти» (Там же).

В отличие от многих советских и от современных отечественных историков для Р.А. Фадеева было очевидным, что под названием «Кавказская война» сокрыто чрезвычайно сложное явление, что она не была войной в обычном её понимании, т.е. вооружённым противостоянием враждующих сторон в течение какого-то периода времени.

Уже 150 лет назад для Р.А. Фадеева являлось очевидным, что «Кавказская война несколько раз изменила свой характер, несколько раз прерывалась вовсе и после этих перерывов принимала до того новый вид, что всё старое как бы не существовало; всякий раз потом приходилось приниматься за дело сызнова» (Фадеев Р.А. Письма с Кавказа // Фадеев Р.А. Кавказская

война. С. 122). Данный вывод Р.А. Фадеева требует осмысления и развития.

Значит ли это, что понятием «Кавказская война» объединена целая серия локальных войн, которые Российская империя вела на Кавказе, протяжённых по времени и имевших различное содержание, причины и следствия. Так же разнятся и временной фактор этих войн. Об этом же писал и Д. Романовский, отмечая, что «время управления Кавказом генерала А.П. Ермолова может быть принято за начало систематической войны против горцев». (Романовский Д. Кавказ. Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале пассажа в 1860 году генерального штаба полковником Романовским. СПб., 1860. С. 120). Как видим, начало Кавказской войны и начало горской войны у военных историков XIX века не совпадало: оно отодвигалось на несколько лет и совпадало с возникновением ермоловской эпохи, с 1817 годом.

Важнейшей проблемой для понимания Кавказской войны является установление её хронологии. В современной литературе существуют два противоположных представления о начале Кавказской войны: сторонники первого традиционно пишут о 1817 году (Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 113), или даже 1830. (История России. XIX — начало XX вв. Учебник для исторических факультетов ун-тов / Под ред. В.А. Фёдорова. М., 1998. С. 196), вторые — отодвигают этот рубеж к 1763 году (Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова. Нальчик, 1998. С. 292). Есть сторонники и более расширительных трактовок. Так, В.В. Лапин доказывает, что «термин «Кавказская война» применяется ко всей совокупности вооружённых конфликтов, имевших место в данном регионе в 1722—1877 гг.). (Лапин В.В. Русская армия в Кавказской войне XVIII — XIX вв. // Автореферат на соиск. уч. степ. д.и.н. СПб., 2008. С. 3).

Наша позиция состоит в том, что при определении хронологии Кавказской войны необходимо исходить как из направлений и особенностей российской кавказской политики на её разных этапах (задач, принципов, форм отношений, методов реализации), так и внутреннего состояния и положения и горских обществ, и феодальных владений Северного Кавказа и Дагестана, и системы их внешних связей. А коренное измене-

ние политики России на Кавказе, на что обращала внимание ещё дореволюционная историография, было продиктовано присоединением Грузии. На это же обратил внимание Я. Гордин, также пишущий о «шестидесятилетней войне» с горцами, т.е. с 1801 по 1864 гг. (Кавказ: земля и кровь. СПб., 2000. С. 47).

Есть и ещё один аспект этой проблемы: ряд авторов отождествляют начало Кавказской войны с началом присоединения Северного Кавказа. Мы же исходим из того, что необходимо «разводить» эти явления: присоединение Северного Кавказа к России и Кавказскую войну. Процесс присоединения происходил в разных формах, имел политические, культурные, социальные, экономические и иные основания и не сводился к военному принуждению и захватам со стороны империи, хотя и такие явления имели место, и присоединения происходили в ходе Кавказской войны.

Дальнейшее развитие такого понимания сложных процессов XIX века на Северном Кавказе выразилось в появлении в постперестроечные годы понятия Русско-Кавказская война (1990 г.), заключающего в своём содержании изначальное противостояние двух сил: России и Кавказа. От него уже недалеко было и до более дробных дефиниций: русско-чеченская, русско — черкесская и иные войны.

В.Б. Виноградов, обративший внимание на «неисторические, политизированные и опасные матрицы типа Русско-Кавказской, Русско-Черкесской, Русско-Чеченской (едва ли 400-летней) и т.п. войны...», считает, что они «...перетекают как раз из термина Кавказская война» (Виноградов В.Б. Современные аспекты российского кавказоведения. М., Армавир. 2007. С. 7).

По нашему мнению, отражение в этих терминах понимания содержания, характера, социальной основы Кавказской войны есть логическое продолжение марксистского взгляда на это явление. В конечном счёте, такое сложное, многоплановое и неоднозначное в своей основе явление, как Кавказская война в её марксистском истолковании, приобрело вид противостояния России (как метрополии) и Кавказа (как колонии), как войны самодержавия с народами Кавказа.

В термине «Русско-Кавказская война» использовано производное не от слова Россия, а от «русский», Таким об-

разом, Кавказская война из конфликта, имевшего политические, социальные, экономические и другие исторически обусловленные причины, переводится в конфликт «русские» против всего «Кавказа», что по сути неверно. Понятно, что данный термин конструировался по типу таких его предшественников, как «русско-шведская», «русско-турецкая», «русско-персидская» (иранская) войны, однако без учёта того обстоятельства, что в этих терминах, появившихся в XVIII — XIX веках, использовались, во-первых, идентичные по содержанию понятия, которые обозначали как название народов, так и государств (применительно к России — Русское государство, «русское» выступало как синоним «российское»), в них участвовавших и, во-вторых, отражали существо происходивших между ними конфликтов как двусторонних военно-политических акций.

Но даже сконструировав гипотетический термин «российско-кавказская война», видим, что его применение не изменит сути проблемы ибо не было предмета данного противопоставления: России, с одной стороны, и всего Кавказа, с другой. Иными словами: так же, как у России были свои интересы на Кавказе, так и у народов региона, их правителей имелись свои частные интересы к России, к выстраиванию с ней отношений.

С. Х. Хотко,

кандидат исторических наук,

ведущий научный сотрудник отдела этнологии АРИГИ.

Господа участники «исторических чтений»! Сегодня мы обсуждаем вышедшую в свет работу профессора Э.А. Шеуджен, посвященную проблемам современного восприятия Кавказской войны, того воздействия, которое эта проблематика способна оказывать на состояние сферы межэтнического взаимодействия. Перед нами, бесспорно, ценный труд, и очень жаль, что он издан столь скромным тиражом.

Исследование Э.А. Шеуджен способно расширить наше представление по этой крайне непростой теме. Оценки, содержащиеся в рассматриваемой работе, отличаются принципиальностью: в

том числе затронута проблема избыточного, немотивированного насилия, проявленного царской военщиной на заключительном этапе Кавказской войны на территории Черкесии. В то же самое время оценки автора сформулированы корректно и направлены на понимание смысла этой трагичной для нашего народа эпохи. В своем выступлении мне бы хотелось прокомментировать некоторые принципиально значимые положения.

В разделе «Пути памяти» Э.А. Шеуджен знакомит читателя с той огромной значимостью, которая имеет историческая память горцев на характер и продолжительность Кавказской войны. Действительно, в числе важнейших блоков народной исторической памяти была вера в спасительную силу родного горного ландшафта. В этой связи, как верно подчеркивает автор, целью экспедиций, на первый взгляд не приносивших осязаемого стратегического результата, являлось опровержение этой убежденности горцев в саму возможность сдерживать наступление царской армии. (Шеуджен Э.А. Кавказская война в пространстве исторической памяти. К 145-летию окончания Кавказской войны. Майкоп, 2009. С. 10).

Функционирующие маркеры исторической памяти были связаны со священным долгом охранять гостя. Предки были нерушимы в этом своем подчас невыгодном поведении, а значит, и поколение периода Кавказской войны считало необходимым следовать традиции укрывать тех, кто ищет спасения. Мирные горцы укрывают у себя немирных, отказываются выдать их даже под угрозой полного истребления, которым подчас и завершалась та или иная карательная экспедиция. Трагическую роль играл и обычай кровной мести. Следуя этому древнему нормативу, горцы гибли, но не сдавались. Особую жесточенность войне придавала личная вендетта, доводившая фамилии, активно участвовавшие в сопротивлении, до полного истребления.

Но самая главная часть или глава захватывающей и опасной народной памяти — предание о свободной жизни предков, не склонявших своих голов ни перед одним противником. Память о свободе легитимировалась собственным недавним опытом, когда поколение, родившиеся в начале XIX века, рассказывало о счастливой эпохе в истории адыгского народа, живущего свободной жизнью в благодатной стране.

Нравственный и правовой иммунитет личности в условиях традиционного адыгского общества был органичным дополнением этого статуса страны адыгов. Человек Черкесии свято дорожил свободой и был готов принести любую самую тяжкую жертву на алтарь этой главной ценности бытия. Вся память и вся культура выстраивались вокруг этой ментальной реликвии.

Для царского генерала или бюрократа эта приверженность к свободе представлялась «дикой привязанностью». В этой связи Э.А. Шеуджен подчеркивает, что подобное понимание независимости «не укладывалось в сознание людей, воспитанных на идее правомерности крепостного права». Негативное толкование всех аспектов горской культуры служило идеологическим оправданием агрессии. Это свое наблюдение автор подкрепляет признанием генерала М.Ольшевского, подчеркивавшего, что русское командование стремилось «даже их (горцев. — Прим. С. Х.) достоинства обращать в недостатки». (Шеуджен Э.А. Указ. соч. С. 11).

Раздел «Источники: навигаторы памяти». В полной мере применим к осмыслению судьбы адыгов после Кавказской войны почти непреложный «закон», согласно действию которого побежденная сторона теряет территорию, независимость и право на объективную историю. Адыги, как мы все знаем, потеряли независимость, почти 100% своих земель и оказались практически вычеркнуты из политической жизни. Как показательно звучит название одной из работ, посвященных адыгам, — «Отживающий тип. Черкесы или адиге», которая была опубликована в журнале «Всемирный путешественник» в сентябре 1878 года. Статья эта, что совершенно закономерно, состоит из набора самых грубых штампов. В не меньшей степени, чем адыги, потерявшие право на объективную историю, восторжествовавшие новые хозяева их страны потеряли способность к объективной оценке исторических событий.

Утвердившийся взгляд на события Кавказской войны Э.А. Шеуджен очень точно характеризует как «взгляд из туннеля». Этот туннельный кругозор обеспечивает нам исследовательский процесс, опирающийся исключительно на официальные российские источники. К сожалению, сегодня даже не просматривается намерения выйти из этого «туннеля» и попы-

таться посмотреть на изучаемое явление с точки зрения современных нравственных критериев.

Формирование «образа» войны. Какую войну мы здесь ведем и для какой высокой цели? Эти вопросы задавали себе обе стороны. Ответы ясны, но не точны в самых важных деталях. В русской историографии XIX века Кавказская война это, прежде всего, неизбежное зло на пути приобщения «диких» горцев к цивилизации. Роль России понимается как миссия проводника к прогрессу. «Интересно, — замечает Э.А. Шеуджен, — что в качестве эталона цивилизованности брались не российские, а европейские образцы». (Шеуджен Э.А. Указ. соч. С. 21).

Русские интеллектуалы, незаметно для самих себя, начинали транслировать на еще враждебную аудиторию собственные приниженные оценки русской жизни, быта русского крестьянина, исключительно негативное отношение к реалиям общественной и политической жизни России. Желание научить русского человека «единственно правильному европейскому образцу» — буквально лозунг дня для всех поколений западников XIX века. Но фраза эта взята у генерала И.В. Гудовича и сформулирована как главная задача русской политики в отношении горского общества.

Приобщение горцев к цивилизации претворялось не торговлей, дорогами и образованием, а резней и тактикой выжженной земли. Очень важно здесь не забывать и том, что русский человек не имел права жаловаться на тяготы своего существования на Кавказе: «Кавказ потребовал больших жертв; но чего бы он ни стоил, ни один русский не имеет права на это жаловаться». Такие переполненные смыслами цитаты заставляют задуматься об истоках террора. По крайней мере, часть корней мы обнаруживаем переплетенными с геральдической вязью гербов ведущих аристократических домов России XIX века. Эту проблему ставит также Яков Гордин, один из ведущих современных авторов, размышляющих о значении Кавказской войны в истории России уже после ее триумфа — в конце XIX и начале XX века.

Последствия Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе состояли не только в массовом изгнании адыгов в Турцию, которое совершенно справедливо Э.А. Шеуджен определяет термином депортация, но и в «глубинных психологических,

ментальных сдвигах в общественном сознании не только побежденных, но и победителей, а именно они ... определяют состояние исторической памяти народов». В сознании российских адыгов «закреплялась выраженная героизация событий войны и фобия побежденного, «умиротворенного» народа». (Шеуджен Э.А. Указ. соч. С. 24).

Как этот психологический комплекс действует на сознание современных поколений адыгов? Этот вопрос неудобен для большинства из нас. Но честный ответ поможет понять некоторые явные и не слишком приглядные закономерности нашей общественно-политической жизни.

Место памяти в историографии. Рассуждения на эту тему Э.А. Шеуджен начинает в предыдущем разделе, где очень корректно и мягко высказывает свое недоумение оценкой философа В. Ильина: «В России никогда не практиковались охоты за скальпами, массовое уничтожение коренных народов». (Шеуджен Э.А. Указ. соч. С. 27). Мы также не станем с горячностью спорить с этим в высшей степени благостным заявлением. Укажем на следующие архивные документы: РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8: Секретное отделение. 1831-1856 г. Д. 31: «Рапорт о запрещении отсекать головы горцев и втыкать на шесты. 8 октября 1841 г.»; РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1213: «Распоряжение штаба Отдельного казачьего корпуса о запрещении скальпирования и издевательств над убитыми горцами. 6 октября — 8 октября 1841 г.».

Говоря о структуре исторической памяти, Э.А. Шеуджен совершенно точно говорит о ее прямой зависимости от состояния исторического знания. (Шеуджен Э.А. Указ. соч. С. 28). Далее автор констатирует почти повсеместное игнорирование и нежелание включать историю народов России в состав господствующей версии, конструируемой привычно как русская история. В начале XX века народы Северного Кавказа продолжали представляться (русским историком русскому читателю) как дикие «народцы южных окраин». «Этническая история, — пишет Э.А. Шеуджен, — по-прежнему была «другой» историей, скорее экзотической, чем научной, а в массовое сознание внедрялись заведомо извращенные факты и представления». (Шеуджен Э.А. Указ. соч. С. 29).

В связи с этим стоит обратить внимание на очевидную спираль в развитии историографии Кавказской войны и истории

народов Кавказа. В наши дни мы стали очевидцами возрождения самых негативных оценок и клише в рамках российской региональной историографии. Более того, ожили старые идеологические конструкции, мифы и фобии. Смоленск, как и 400 лет назад, пограничный город. Старые рубежи — старые страхи и предубеждения. В этой связи мы можем говорить уже о месте историографической памяти в историографии.

Так называемое кубановедение предоставляет в этом плане самый роскошный материал для анализа. Методология кубановедения в точности следует приемам, выработанным в XIX веке. В рамках кубановедения создание истории адыгов принципиально невозможно. Игнорирование истории автохтонного этноса в рамках кубановедения является наиболее красноречивым примером переписывания истории в современном мире. Фактически кубановедение «пожирает» адыгскую историю. Из адыгской истории отбираются исключительно такие периоды и факты, которые могут помочь в конструировании кубанской исторической памяти. По выходе в свет уже более десяти учебных пособий по истории Кубани сформирована следующая схема дозированного упоминания о существовании адыгов.

Первые адыги фигурируют на страницах кубанской истории в связи с появлением на Тамани русского княжества **Тмутарокань?** Второе появление вызвано необходимостью показать роль Московского царства в судьбах народов Кавказа: это эпизод с обращением ряда адыгских князей к Ивану IV. Затем, опять по необходимости, адыги «всплывают» из исторического небытия во время Кавказской войны: очень дозированно, без анализа их социальной, культурной и политической истории.

В кубанской методологии «размывания» адыгской истории первым по значимости методом является акцент на непрерывную смену этносов на пространствах между Кубанью и Доном. Используются такие шаблоны, которые были заложены еще в конце XIX — начале XX века: «шли народы»; «сменялись народы». При этом полностью игнорируется проблема этногенеза адыгов. Более того, таковые не упоминаются вовсе или почти не упоминаются до X века (в других версиях кубановедения — до XV).

В итоге парадоксальным образом оказывается, что русское население на Кубани в тексте начинает фигурировать визуально раньше (т.е. выше по тексту), чем автохтонный этнос.

Ф.А. Щербина в программе истории Кубани заложил именно эту схему: калейдоскоп народов вместо одного народа, который общался со всем этим калейдоскопом.

Второй, на наш взгляд, важнейший метод заключается в негативном уничижительном освещении адыгской истории в тех немногих параграфах, которые ей все-таки уделяются. Оказывается, что ни один из престижных археологических памятников не связан с адыгской культурой. С очевидной предвзятостью отмечается иранская либо тюркская принадлежность курганных некрополей. Как максимум, автор соответствующего раздела (например, о дольменной культуре) может в скобках одной фразой упомянуть, что в научной литературе, в частности, высказывается мысль о древней абхазо-адыгской принадлежности этой культуры. Таким образом, читатель учебного пособия просто не в состоянии ответить на вопрос, а откуда вообще взялись эти самые адыги?

При освещении социально-экономического строя адыгов упор делается на максимально заниженных оценках их развития: военная демократия с пережитками родового строя вместо феодализма; работорговля вместо хлебной торговли; социальные конфликты вместо социальных и политических институтов адыгского общества; провокационная роль английских агентов вместо внешнеполитического положения Черкесии в период Кавказской войны.

При этом внутри сложившихся негативных клише отдается полное предпочтение их уничижительной направленности. Например: история работорговли в Черкесии преподносится как изолированное явление, никак не связанное с историей черноморско-средиземноморской работорговли в целом. Оказывается, только адыгские феодалы были такими примитивными и злобными угнетателями своего народа, как будто бы на рынке не были представлены десятки других национальностей.

Умалчивается тема специфики работорговли в Черкесии и на Кавказе в целом, и у читателя невольно складывается впечатление, что речь идет примерно о таком же явлении, как торговля чернокожими рабами в XVII—XIX веках. Те обстоятельства этого исторического процесса, которые способны приподнять планку в ученическом восприятии темы международной рабо-

торговли и ее проявления на черкесской почве, заранее отмечаются. Ни словом не упоминается о том, что практически все мужчины поступали на военную службу, что черкесские мамлюки пришли к власти в Египте и управляли им более ста лет. Все это за пределами внимания авторов учебников. При этом очень сильно завышаются цифровые показатели работорговли: 12 тысяч в год, соответственно 1.200.000 в сто лет!

Любые внешнеполитические связи адыгской страны преподносятся как жестокое завоевание, угнетение и эксплуатация адыгов. Настолько тяжелая, что остается непонятным, как адыги создали самую крупную страну на Кавказе и на протяжении многих веков удерживали за собой эти открытые со всех сторон земли? Каким образом народ, угнетаемый одновременно и геуэзкими колонизаторами и ордынскими ханами, увеличил свою территорию вдвое на протяжении XIII—XV веков? Почему эта земля не досталась Османской империи, захватившей многие страны от Марокко до Ирана и от Венгрии до Судана? Некий несчастный и ни к чему не способный «народишко», только и умеющий продавать своих детей, вдруг процветает в эту якобы страшную пору своей истории, не пускает турок дальше Тамани, громит крымские и турецкие армии, выступает законодателем военной и всаднической моды.

Более того, оказывается, что Черкесия была еще и страной мореходов. В расцвете военной мощи османов черкесы не раз совершали успешные рейды против анатолийских портов. Отец знаменитого в истории черкесского сопротивления лидера Сефербея Заноко — Мамат-Гирей Зан вел активную морскую торговлю и был в состоянии за собственные средства построить крупное трехмачтовое судно и подарить его султану Селиму III. Ясно, что посетитель Анапского музея ни за что не обнаружит в его стенах информацию об основателе крепости и города Анапа — адыгском князе Мамат-Гирее Зане, но зато в избытке ему будет предоставлена информация о всех русских генералах, штурмовавших и захватывавших эту твердыню.

Но это не только частный случай «забывчивости», а очень удобная концепция пустоты: ни один из современных населенных пунктов, будь то город или станица, не был основан на месте адыгского села. И это в самом густонаселенном регионе Кавказа, на территории исторической Черкесии, где

селения перерастали одно в другое на протяжении каждой речной долины.

Экспозиции краевых музеев, за очень редким исключением, полностью или почти полностью игнорируют адыгский материал. Так, краевой музей фактически превращен в казачий музей. Мы ни в коем случае не против казачьей экспозиции или казачьего зала в этом и любом другом музее. Но разве не обязанность музея адекватно отображать историю края? Самое большее, что можно увидеть в краевом музее — кинжал, далеко не самый репрезентативный, и какую-нибудь замусоленную вышивку. Как мы можем повлиять на эту ситуацию? Только общественная критика и появление научных, методологических обзоров музейных экспозиций, развертывание дискуссии смогут изменить отношение к проблеме.

Ф.К. Джигунова, кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории АГУ,
директор Национального музея Республики Адыгея

Кавказская война — трагический период в истории адыгов. Изучению причин, хода и последствий войны в отечественной и региональной исторической науке придается серьезное значение. Однако значительные сдвиги в этом направлении произошли в конце 80-х — 90-х годов XX века, когда в стране начались кардинальные изменения экономического и политического курса и соответственно идеологии. Возросло количество исследований и публикаций в прессе, проводятся конференции, обсуждения имеют широкий общественный резонанс.

В этот период была создана юридическая основа для реализации адыгами диаспоры права вернуться на историческую родину. С начала 90-х годов в Адыгею начали возвращаться адыги из Турции, Сирии, Иордании, Косово, им присваивается статус репатрианта. В 1993 году была создана Международная Черкесская Ассоциация. Основной целью новой организации является возрождение адыгского народа как этноса.

В 1997 году Указом Президента Республики Адыгея день 21 мая установлен как День памяти и скорби по жертвам кавказ-

ской войны, который отмечается ежегодно. С 1998 года ежегодно 1 августа отмечается День репатрианта — день возвращения первой группы адыгов из Автономного края Косово в Адыгею. Налажены тесные экономические, культурные связи с адыгской диаспорой многих стран мира.

В изучении и демонстрации многих аспектов, связанных с Кавказской войной, ее итогами и последствиями в своей научно-исследовательской и экспозиционно-выставочной работе, большую роль играет Национальный музей Республики Адыгея. В начале 90-х годов в музее произошла реорганизация, одной из задач которой было целенаправленное комплектование соответствующего предметного фонда, его изучение и экспонирование. Вместо отдела советской истории был создан отдел новой и новейшей истории, перед сотрудниками отдела ставились новые задачи.

Одна из ведущих тем исследования посвящена Кавказской войне. В отделе существует сектор адыгской диаспоры, возглавляемый Эйгюн Шенгюль — репатрианткой из Турции. Сотрудники сектора изучают историю адыгов в местах их компактного расселения вне исторической родины, историю формирования диаспоры в каждой стране, ее численный состав, вопросы социально-экономического, культурного развития, роль отдельных личностей и организаций в деле сохранения культурного наследия адыгов.

Среди тем научно-исследовательской работы по проблеме Кавказской войны в Национальном музее можно назвать следующие: «Кавказская война и переселение адыгов», «Культурно-историческое наследие адыгской диаспоры по материалам фондов НМРА», «Реликвии (знамя натухайское и знамя шапсугское): два века истории», «Первое женское благотворительное Общество в Османской империи», «Адыги в Израиле» и др.

В фондах музея сформировался фонд экспонатов и научно-вспомогательного материала, который позволяет рассматривать, насколько возможно представить музейными средствами события XIX века и их отдаленные последствия. В научно-исследовательской и экспозиционно-выставочной работе используются документы, мемуары, художественные произведения, картографический и фотоматериал.

Среди наиболее ценных и интересных экспонатов можно перечислить подлинные рисунки Г.Г. Гагарина 30–40-х годов XIX века, рисунки Т. Горшельта 60-х годов XIX века, коллекцию холодного и огнестрельного оружия, предметы быта, издания XIX века, включенные в фонд редких книг музея. Уникальными экспонатами являются натухайское и шапсугское знамена. По сведениям первого директора музея И.А. Наврузова, «...знамена, взятые русскими войсками 26 мая 1840 года при отбитии нападения горцев на Абинское укрепление». Знамена хранились в Тифлисе и Баку и переданы музею в 1926 году.

Большую помощь в комплектовании фондов оказали адыги, проживающие в странах зарубежья а также те, кто вернулся в Адыгею. Многие предметы, вывезенные во время насильственной депортации, хранились в разных странах и разных условиях, а спустя более ста лет вернулись на историческую родину. Так, профессор Нихат Ачмиз передал музею Коран, вывезенный в Турцию и хранившийся в его семье.

В музее хранится рог оленя. Это уникальный предмет: рог был вывезен из Адыгеи как символ покинутой родины. В течение 123 лет он хранился в мечети а. Карлы (р-н г. Самсуна), а после разрушения мечети — в семье Цупэ Моса. Рог был вручен делегату Международного Черкесского Конгресса от Адыгеи Ч.И. Муратову, который передал реликвию в музей.

Адыгами из Турции и Сирии в разное время в дар музею переданы седло, плетъ, золотошвейные изделия, сумка для походных хирургических инструментов, надочажная цепь, экземпляры газет и журналов. Уникальным экспонатом является люлька для мальчика, которую передал музею репатриант из Косово Цей Исхьякъ в 1999 году. Колыбель также была вывезена во время депортации адыгов в XIX веке. В ней выросли 4 поколения семьи Цей.

Все эти предметы бережно хранились в семьях десятки лет, и с каждым из них связана своя история. Постоянно пополняется коллекция предметов современного декоративно-прикладного искусства, что свидетельствует о возрождении в адыгской среде традиционных ремесел. Экспонаты представлены изделиями из дерева, традиционными циновками, золотошвейными изделиями.

Неоценимую помощь в научно-экспозиционной работе Национального музея по изучению истории адыгов и, в частности, истории Кавказской войны оказал ученый Батырай Езбек Едидж. Б. Едидж, доктор наук, внес огромный вклад в деятельность Адыга Хасэ Германии и Турции, был инициатором создания Международной Черкесской Ассоциации (МЧА), является автором многих работ по истории и культуре адыгов. В течение многих лет исследователь собирал в архивах и библиотеках Европы копии редких документов, рисунков, карт — около 100 наименований. Свою коллекцию Б. Едидж передал музею.

Научная работа музея имеет свою особенность. Основным предметом изучения здесь является музейный предмет, его история, события, благодаря которым он становится частью музейной коллекции. Предметы неравнозначны с точки зрения своих свойств в ходе их изучения и экспонирования. Например, экспозиционные возможности такой категории предметов, как документы, которые в то же время являются наиболее информативным историческим источником, недостаточно высоки. Такое же несоответствие выявляется при использовании в экспозиционно-выставочной деятельности фольклорных данных.

В то же время многие исторические факты и явления невозможно проиллюстрировать с помощью имеющихся экспонатов. Выявляются проблемы, требующие новых подходов к изучению источников разного происхождения, в том числе и предметов музейного значения. Все эти особенности проявились при работе с материалом по Кавказской войне.

В настоящее время на стадии планирования строительство экспозиции по новой и новейшей истории Адыгеи. История Кавказской войны будет отражена в качестве отдельного раздела. Национальный музей постоянно сотрудничает с учеными Адыгеи и России, ведется работа по атрибуции отдельных предметов и коллекций. Особое значение придается разработке художественного решения будущей экспозиции.

На данном этапе основной формой научно-экспозиционной работы по указанной теме являются выставки. Выставки неравнозначны не только по тематике, но и по объему экспонатов, научно-справочного, вспомогательного и другого материала, времени работы, охвату различных групп населения.

Как показывает практика, музейные предметы, история, которая связана с каждым из них, обладают высокой степенью экспрессивности, всякий раз производя огромное впечатление на зрителей. Выставочная, культурно-просветительская деятельность музея позитивно оценивается жителями и гостями Адыгеи, научной общественностью, представителями адыгской диаспоры и репатриантами, проживающими в республике.

Выставки — деятельность сотрудников музея, обращенная к зрителям, элемент музейной коммуникации, это результат работы по комплектованию фондов, описанию и изучению конкретных предметов. Кроме того, выставочная деятельность музея по той или иной теме во многом зависит от степени изученности проблематики в целом. Нередко музей не только демонстрирует результаты комплексной работы, но и задает новые вопросы и вскрывает проблемы, часто имеющие специфический музейный характер.

Выставки создавались к разным событиям, но чаще всего — к 21 мая — Дню памяти по жертвам Кавказской войны. Тематика выставок была разнообразна. За более чем 10-летнюю работу в этом направлении накопился определенный опыт. Среди проектов музея: «Черкесское зарубежье», «Выставка к 135-летию окончания Кавказской войны», «Зов памяти», «Кавказская война в лицах и документах», «История адыгской диаспоры».

Выставки по тематике Кавказской войны включены в воспитательные и образовательные программы учащихся высших и средних учебных заведений. На базе выставок проводятся экскурсии, лекции, различные мероприятия. Подрастающему поколению предоставляется возможность обратиться к истории своей родины — одному из наиболее трагических и героических ее периодов.

Таким образом, в своей исследовательской и экспозиционной работе сотрудники музея решают одну из основных задач — стремятся максимально объективно показать события XIX века, а также и те позитивные изменения, которые происходят в адыгской среде в настоящее время.

ОБЩИЕ ИТОГИ ОБСУЖДЕНИЯ:

— в современной историографической ситуации появилась возможность расширить границы традиционных исследований по истории Кавказской войны в плане ее анализа с позиций современных теоретико-методологических подходов, расширяющих исследовательское пространство этого многофакторного явления, внося принципиально значимые коррективы в сложившуюся концепцию;

— заслуживает внимания стремление научного сообщества рассмотреть события Кавказской войны через призму исторической памяти и исторического сознания: именно память обуславливает отношение людей к исторической действительности, как на теоретическом уровне, так и уровне обыденного сознания;

— структура исторической памяти непосредственным образом связана с состоянием исторического знания, однако, анализируя многие явления и события северокавказской истории, историки стремятся их оценить с современных позиций, зачастую забывая о их «вписанности» в конкретное историческое время;

— в рамках различных исследовательских парадигм накоплены новые свидетельства, позволяющие придать большую основательность реконструкции сложных, нередко противоречивых событий Кавказской войны, но такой, казалось бы, позитивный импульс дает далеко не всегда адекватные результаты;

— интерпретация и анализ источников по данной проблеме требует от историков не только высокого уровня профессионализма, но и последовательного, твердого стремления к объективности;

— в последнее время в практику стали входить социологические исследования, позволяющие наглядно представить уровень сохранения событий прошлого в исторической памяти народов, во многом определяющих их намерения и настроения, оказывающих мощное влияние на характер и методы решения общественных проблем;

— сегодня, когда многое в истории пересматривается во имя «объективности», приходит понимание того, как непросто бывает историкам абстрагироваться от идеологии, затрагиваю-

щей насущные национальные интересы, сохранить объективность;

— обсуждение сложных проблем отечественной истории способно стать еще одним импульсом развития историографии: общество сильно не только своими достижениями в настоящем, но и памятью о прошлом, формирующим представление о родине, чувство самосознания;

— кардинальные изменения, происходящие во всех сферах современного российского общества, — модификация системы социально-экономических отношений, серьезная трансформация, происходящая в сфере духовной жизни, в мировоззрении и сознании человека, заставляют осознать значимость сохранения исторической памяти и формирования массового исторического сознания.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

К 145-летию окончания Кавказской войны

Исторические чтения
20 мая 2009 г.

В оформлении обложки использована репродукция
«Русский лагерь в Саше» из книги
Дж. Бэлла «Дневник пребывания в Черкесии
в течение 1837, 1838 и 1839 годов». Лондон, 1840.

Редакционно-издательская комиссия АГУ.
Кабинет истории и обучающих компьютерных технологий
385000, г.Майкоп, ул.Первомайская, 208.

Подписано в печать 4.05.2010. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Усл. печ.л. 3,87.
Тираж 100 экз.